

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

**Ю. М. Антонян,
В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов**

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА

**Владимир Евгеньевич Эминов
Юрий Миранович Антонян
Владимир Николаевич Кудрявцев**
Личность преступника
Серия «Теория и практика уголовного
права и уголовного процесса»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11252205

*Личность преступника. – СПб.: Издательство «Юри», 2004. – 366 с.: Юридический центр Пресс;
Москва; 2004
ISBN 5-94201-324-1*

Аннотация

В работе на основе современных подходов рассматривается психология преступника и преступного поведения. Проводится криминологический психологический анализ отдельных категорий преступников и осужденных.

Для преподавателей, аспирантов, студентов юридических вузов, юристов-практиков, социологов и психологов, изучающих проблемы преступности и борьбы с ней, а также для широкого круга читателей.

Содержание

Введение	7
Глава 1	8
§ 1. Понятие, структура и общая характеристика личности преступника	8
§ 2. Формирование личности преступника	25
§ 3. Психологические черты личности преступника	31
§ 4. Нравственные проблемы	43
§ 5. Роль характера	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

**Ю. М., Антонян В. Н.,
Кудрявцев В. Е. Эминов
Личность преступника**

ASSOCIATION YURIDICHESKY CENTER

Theory and Practice of Criminal Law and Criminal Procedure

Yu. M. Antonyan, V. N. Kudryavtsev, V. E. Eminov

PERSONALITY OF CRIMINAL

Saint Petersburg Yuridichesky Center Press 2004

Редакционная коллегия серии «Теория и практика уголовного права и уголовного процесса»

Р. М. Асланов (отв. ред.), А. И. Бойцов (отв. ред.), Н. И. Мацнев (отв. ред.), Б. В. Волженкин, Ю. Н. Волков, Ю. В. Голик, И. Э. Звечаровский, В. С. Комиссаров, В. П. Коняхин, А. И. Коробеев, Л. Л. Кругликов, С. Ф. Милуков, М. Г. Миненок, А. Н. Попов, М. Н. Становский, А. П. Стуканов, А. Н. Тарбагаев, А. В. Федоров, А. А. Эксархопуло

Рецензенты:

Лунеев В. В., доктор юридических наук, профессор, лауреат государственной премии РФ, заслуженный деятель науки РФ Еникеев М. И., доктор психологических наук, профессор

Editorial Board of the Series "Theory and Practice of Criminal Law and Criminal Procedure"

R. M. Aslanov (managing editor), A. I. Boitsov (managing editor), N. I. Matsnev (managing editor), B. V. Volzhenkin, Yu. N. Volkov, Yu. V. Golik, I. E. Zvecharovsky, V. S. Komissarov, V. P. Konyakhin, A. I. Korobeev, L. L. Kruglikov, S. F. Milyukov, M. G. Minenok, A. N. Popov, M. N. Stanovsky, A. P. Stukanov, A. N. Tarbagaev, A. V. Fedorov, A. A. Eksarkhopoulo

Reviewers:

State Prize Winner of the RF, Honored Worker of Science of the RF, Doctor of Law, professor V. V. Luneev Doctor of Psychology, professor M. I. Enikeev

The work deals with psychology of a criminal and criminal behavior on the basis of modern approaches, carries out criminological and psychological analysis of individual categories of criminals and convicted persons.

The book is addressed to professors, post-graduates, and students of law schools, practitioners, sociologists and psychologists studying the problems of crime and struggle with it as well as to a wide circle of readers.

© Yu. M. Antonyan, V. N. Kudryavtsev, V. E. Eminov, 2004 © Yuridichesky Center Press, 2004

© Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е., 2004 © Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004

Уважаемый читатель!

Вы открыли книгу, входящую в серию работ, объединенных общим названием «Теория и практика уголовного права и уголовного процесса».

Современный этап развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства напрямую связан с происходящими в России экономическими и политическими преобразованиями, которые определили необходимость коренного реформирования правовой системы. Действуют новые Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы, с 1 июля 2002 г. вступил в силу Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

В этих законах отражена новая система приоритетов, ценностей и понятий, нуждающихся в осмыслении. Появившиеся в последнее время комментарии и учебники по данной тематике при всей их важности для учебного процесса достаточно поверхностны. Стремление познакомить читателя с более широким спектром проблем, с которыми сталкиваются как теоретики, так и практики, и породило замысел на более глубоком уровне осветить современное состояние отраслей криминального цикла. Этой цели и служит предлагаемая серия работ, посвященных актуальным проблемам уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики.

У истоков создания настоящей серии книг стояли преподаватели юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Впоследствии к ним присоединились ученые Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербургского университета МВД и других вузов России, а также ряд известных криминалистов, обладающих большим опытом научных исследований в области уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики.

В создании серии принимают участие и юристы, сочетающие работу в правоохранительных органах, других сферах юридической практики с научной деятельностью и обладающие не только богатым опытом применения законодательства, но и способностями к научной интерпретации результатов практической деятельности.

С учетом указанных требований формировалась и редакционная коллегия, которая принимает решение о публикации.

Предлагаемая серия основывается на действующем российском законодательстве о противодействии преступности и практике его применения с учетом текущих изменений и перспектив развития. В необходимых случаях авторы обращаются к опыту зарубежного законодательства и практике борьбы с преступностью, с тем, чтобы представить отечественную систему в соотношении с иными правовыми системами и международным правом.

Подтверждением тому служат вышедшие из печати работы Б. В. Волженкина, А. И. Бойцова, В. И. Михайлова, А. В. Федорова, Е. В. Топильской, М. Н. Становского, В. Б. Малинина, Д. В. Ривмана, В. С. Устинова, В. М. Волженкиной, Р. Д. Шарапова, И. Ю. Михалева, Г. В. Овчинниковой, А. Л. Протопопова, В. Г. Павлова, Г. В. Назаренко, И. М. Тяжковой, А. В. Мадьяровой, М. Л. Прохоровой, Л. С. Аистовой, А. И. Бойко, Т. Б. Дмитриевой, Б. В. Шостаковича, А. И. Рарога, А. А. Сапожкова, Д. А. Корецкого, Л. М. Землянухина, Л. В. Головки, Л. Л. Кругликова, А. Д. Назарова, А. Е. Якубова, А. Н. Попова, С. В. Бородин, А. Г. Кибальника, Л. И. Романовой, А. И. Коробеева, Д. А. Шестакова, В. Д. Филимонова, И. А. Возгрина, А. А. Эксархопуло, В. В. Орехова и др., в которых анализируются современные проблемы борьбы с преступностью.

Надеемся, что найдем в Вас взыскательного читателя, если Ваша принадлежность к юридико-образовательной или правоприменительной деятельности вызовет интерес к этой серии книг.

Редакционная коллегия

Март 2004 г.

Введение

Понять человека и его поведение, в том числе преступное, невозможно без углубленного изучения его социально-демографических, нравственных и психологических характеристик.

Необходимо также знание механизмов и мотивов его поведения, той среды, в которую включен индивид, ее социально-психологических особенностей. Во многих случаях требуется и максимальный учет психиатрических факторов.

Такие знания ни в коем случае не могут быть получены только путем анализа и обобщения научных работ и уголовных дел, без целенаправленного изучения и познания «живого» преступника со всеми его страстями и нуждами, с его сложным жизненным путем, подчас трагической судьбой, спецификой индивидуального облика, что еще раз подтверждает неразрывную связь между личностью и ее поведением.

Первая отечественная крупная работа, положившая начало исследованиям в этом направлении, принадлежит профессору А. Б. Сахарову, опубликовавшему в 1961 г. монографию «О личности преступника и причинах преступности в СССР».

И несмотря на немалое число последующих научных трудов в этом направлении, проблема личности преступника продолжает оставаться одной из самых приоритетных как в теоретическом, так и в практическом аспектах.

Следует отметить также недостаточность исследований в области пенитенциарных проблем личности преступников – осужденных.

Между тем вряд ли можно достигнуть целей наказания и добиться коррекции личности и поведения, если не опираться на данные психологического характера. Образно говоря, очень трудно, а подчас и невозможно добиться выздоровления больного, если не знать, чем он болен.

Приводимые в данной книге рассуждения и выводы основаны на скрупулезном криминологическом-психологическом изучении личности и поведения преступников. Широко использовались многочисленные и разнообразные тестовые методики и социологические опросники, психиатрическая информация, длительные, углубленные и заранее спланированные обстоятельные беседы с преступниками и лицами, находящимися на грани преступления, тщательное и кропотливое изучение сотен их индивидуальных историй, осуществленное на протяжении многих лет. Это позволило привести в работе выборочные статистические данные, развернутые примеры, иллюстрирующие наиболее важные положения.

Некоторые теоретические и эмпирические результаты исследований, проведенных авторами, были опубликованы ранее.

Авторы выражают искреннюю благодарность рецензентам и коллегам за советы и пожелания, высказанные во время работы над монографией.

Глава 1

Общая характеристика личности преступника¹

§ 1. Понятие, структура и общая характеристика личности преступника

Успешное предупреждение преступлений возможно лишь в том случае, если внимание будет сконцентрировано на личности преступника, поскольку именно личность – носитель причин их совершения. Можно поэтому сказать, что эта личность является основным и важнейшим звеном всего механизма преступного поведения. Те ее особенности, которые порождают такое поведение, должны быть непосредственным объектом предупредительного воздействия. Поэтому проблема личности преступника относится к числу ведущих и вместе с тем наиболее сложных в криминологии.

Личность преступника всегда была одной из центральных проблем всех наук криминального профиля, и в первую очередь криминологии, история которой свидетельствует, что наиболее острые дискуссии криминологи вели и ведут как раз по поводу личности преступника. В зависимости от социально-исторических условий, требований социальной практики и уровня развития науки по-разному ставился и решался вопрос, что такое личность преступника, есть ли она вообще, в чем ее специфика, какова ее роль в совершении преступления, как воздействовать на нее, чтобы не допустить больше преступных действий. Легко заметить, что все эти вопросы имеют большое практическое значение.

Необходимо учитывать, что даже в такой специфической сфере, как преступление, человек действует в качестве общественного существа. Поэтому к нему надо подходить как к носителю различных форм общественной психологии, приобретенных нравственных, правовых, этических и иных взглядов и ценностей, индивидуально-психологических особенностей. Все это в целом представляет собой источник преступного поведения, его субъективную причину, предопределяет необходимость изучения всей совокупности социологических, психологических, правовых, медицинских (в первую очередь психиатрических) и других аспектов личности преступника.

Личность преступника есть совокупность интегрированных в ней социально значимых негативных свойств, образовавшихся в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми. Эта личность, являющаяся субъектом деятельности, познания и общения, конечно, не исчерпывается только указанными свойствами, которые, к тому же, поддаются коррекции. В то же время социальный характер личности преступника позволяет рассматривать ее как члена общества, социальных групп или иных общностей, как носителя социально типичных черт. Включение преступника в активное и полезное групповое общение выступает в качестве важного условия его исправления.

Чем же все-таки отличается преступник от других людей, в чем специфика его личности?

Сравнительное психологическое изучение личности больших групп преступников и законопослушных граждан показало, что первые отличаются от вторых значительно более высоким уровнем импульсивности, т. е. склонностью действовать по первому побуждению, и агрессивностью, что сочетается у них с высокой чувствительностью и ранимостью в меж-

¹ Ряд психологических исследований, результаты которых приводятся в настоящей главе, был осуществлен в сотрудничестве с В. П. Голубевым, В. В. Гульданом, Ю. Н. Кудряковым, Е. Г. Самовичевым.

личностных взаимоотношениях. Из-за этого такие лица чаще применяют насилие в различных конфликтах. Они хуже усвоили требования правовых и нравственных норм, больше отчуждены от общества и его ценностей, от малых социальных групп (семьи, трудовых коллективов и т. д.), и у них плохая социальная приспособляемость. Поэтому для таких лиц характерны сложности при попытках адаптироваться в тех же малых группах.

Такие черты в наибольшей степени присущи тем, кто совершает грабежи, разбойные нападения, изнасилования, убийства или наносит тяжкий вред здоровью, в наименьшей – тем, кто был признан виновным в совершении краж, а еще меньше – лицам, совершающим преступления в сфере экономической деятельности.

Именно указанные признаки в совокупности с антиобщественными взглядами и ориентациями отличают преступников от неправошащих, а их сочетание (не обязательно, конечно, всех) у конкретного лица выступает в качестве непосредственной причины совершения преступлений. Вместе с тем нужно учитывать, что они возникают в рамках индивидуального бытия, на базе индивидуального жизненного опыта, а также биологически обусловленных особенностей. Однако такие особенности, равно как и психологические черты, носят как бы нейтральный характер и в зависимости от условий жизни и воспитания наполняются тем или иным содержанием, т. е. приобретают социально полезное или антиобщественное значение. Следовательно, личность представляет собой индивидуальную форму бытия общественных отношений, а личность преступника, как более частное явление, – индивидуальную форму бытия неблагополучных общественных отношений. Это, конечно, не означает, что личность преступника включается только в такие отношения или испытывает лишь негативные влияния.

В равной мере это не означает, что преступное поведение есть лишь результат негативных влияний внешней среды на человека, а он сам в этом как бы не участвует. В преступном поведении отражены и генетически обусловленные задатки и предрасположенности, темперамент, характер и т. д. Внешние условия не напрямую порождают преступное поведение. Они обуславливают внутренний духовный мир, психологию личности, которые, в свою очередь, становятся самостоятельным и активным фактором, опосредующим последующие влияния социальной среды на нее. Человек, образно говоря, «выбирает» и усваивает те из них, которые в наибольшей степени соответствуют его психологической природе. Каждый индивид как личность – это продукт не только существующих отношений, но также своего собственного развития и самосознания. Одно и то же по своим объективным признакам общественное положение, будучи по-разному воспринято и оценено личностью, побуждает ее к совершенно различным действиям. Система отношений человека к различным социальным ценностям и сторонам действительности, нормам и институтам, самому себе и своим обязанностям, различным общностям, группам и т. д. зависит, следовательно, как от внешних, так и от внутренних, личностных обстоятельств.

Вот почему недопустимы и социологизация, и психологизация личности преступника. Первое обычно выражается в преувеличении влияния среды на ее формирование и поведение, игнорировании субъективных факторов, психологических свойств, психических состояний и процессов, сведении личности к ее социальным ролям и функциям, положению в системе общественных отношений. Второе – в придании только психологическим факторам решающего значения без учета сформировавшей их социальной среды, тех условий, в которых развивался человек или в которых он действовал. Криминология должна исходить из диалектического единства социального и психологического, их постоянного взаимодействия.

Для определения понятия личности преступника необходимо решить ряд специальных вопросов, в частности: 1) охватывает ли это понятие всех лиц, совершивших преступления,

или только часть из них; 2) какие стороны и особенности личности преступника необходимо изучать.

И в научных, и в практических целях это понятие должно объединять всех лиц, виновных в преступном поведении. Как преступность включает в себя такие совсем разные преступления, как изнасилование и мошенничество, так и понятие личности преступника в практическом и научном смысле объединяет всех лиц, совершивших эти преступления. Поэтому криминология не может не изучать причины и механизм совершения всех преступлений, в том числе неосторожных и непредумышленных. Иными словами, личность всех совершивших преступления должна быть предметом криминологического познания, что имеет огромное практическое значение, в первую очередь для профилактики преступлений. Если из орбиты криминологического изучения исключить личность тех, для которых совершенное преступление не стало основной линией поведения, то они вообще выпадут из поля зрения криминологии, что нанесет существенный ущерб практике.

Конечно, нельзя не признать, что понятие личности преступника в определенной мере условное и формальное, поскольку отнесение определенных действий к числу преступных зависит от законодателя. Он же, как известно, может отменить уголовную ответственность за поступки, которые ранее им рассматривались как преступные. Нельзя не признать также, что у многих лиц, совершивших, например, неосторожные преступления, могут отсутствовать черты, типичные для преступников.

Понятие личности преступника не может выступать в качестве ярлыка для обозначения наиболее опасных и злостных правонарушителей. Это понятие – начало, исходная позиция криминологической теории личности, оно – мысленное воспроизводство реального объекта и не имеет силы и смысла вне его.

Наличие отмеченных выше отличительных черт личности преступника не следует понимать так, что они присущи всем без исключения лицам, совершившим преступления. Отсутствие их у некоторой части преступников не снимает вопроса о необходимости изучения и их личности тоже как носителя причин преступного поведения. Однако основная масса преступников отличается указанными особенностями.

Именно данный факт позволяет говорить о личности преступника как об отдельном, самостоятельном социальном и психологическом типе. Его специфика определяет особенности духовного мира преступников, их реакций на воздействия социальной среды.

Особо следует оговорить научную корректность в использовании понятия «личность преступника». В прямом смысле оно таит в себе, строго говоря, определенную заданность. Психологическую ли, социальную ли, – но заданность. Правильнее было бы употреблять менее приемлемое для восприятия, но более точное словосочетание «личность человека (индивида), совершающего (совершившего) преступление». Поэтому понятие «личность преступника», с учетом вышеизложенного, мы используем лишь как более привычное, удобное, устоявшееся, но сугубо условное терминологическое обозначение. На эту немаловажную деталь в свое время справедливо указывал И. И. Карпец.²

В целом можно определить личность преступника как личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или непроявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата. Это определение достаточно полно не только в том смысле, что охватывает и тех, кто совершил преступление умышленно, и тех, кто виновен в преступной неосторожности. Такая оценка его обос-

² Криминология: Учебник / Под ред. И. И. Карпеца и В. Е. Эминова. М., 1992. С. 47.

нованна и потому, что она содержит перечень признаков, которые должны быть предметом криминологического познания.

Криминологическое изучение личности преступника осуществляется главным образом для выявления и оценки тех ее свойств и черт, которые порождают преступное поведение, в целях его профилактики. В этом проявляется теснейшее единство трех узловых криминологических проблем: личности преступника, причин и механизма преступного поведения, профилактики преступлений. При этом, однако, личность преступника является центральной в том смысле, что ее криминологические особенности первичны, поскольку выступают источником, субъективной причиной преступных действий, а поэтому именно они, а не действия или поведение должны быть объектом профилактических усилий. То, что эти внутренние особенности могут привести к совершению преступлений, составляет сущность общественной опасности личности преступника, а само преступное поведение – производное от них. Если говорить о целенаправленной коррекции поведения, то его невозможно изменить, если указанные особенности останутся прежними.

Сказанное, разумеется, отнюдь не означает игнорирования внешних социальных факторов, ненужности их изучения и учета. Во-первых, криминогенные черты личности формируются под воздействием названных факторов. Однако, «закрепленные» в личности, они превращаются в самостоятельную силу, преуменьшать значение которой не следует. Во-вторых, совершению преступления могут способствовать, даже провоцировать на это ситуационные обстоятельства, внешняя среда. Но, как известно, одна и та же ситуация воспринимается и оценивается разными людьми по-разному. Стало быть, в конечном итоге в механизме индивидуального преступного поведения личность преступника играет ведущую роль по отношению к внешним факторам. Поэтому совершение преступления точнее было бы рассматривать не только как результат простого взаимодействия личности с конкретной жизненной ситуацией, в котором они выступают в качестве равнозначных «партнеров». Преступление есть следствие, реализация криминогенных особенностей личности, которая взаимодействует с ситуативными факторами.

Понимание общественной опасности таким образом, что человек, обладающий подобными качествами, может совершить преступление, не предполагает фатальности преступного поведения. Это качество может быть реализовано в поведении, а может и не быть, что зависит как от самой личности, так и от внешних обстоятельств, способных препятствовать такому поведению, даже исключить его.

Изучение личности преступника должно строиться на твердой правовой основе, т. е. должна изучаться личность тех, кто по закону признается субъектом преступления. Поэтому рассматриваемая категория имеет временные рамки: с момента совершения преступления, удостоверенного судом, и до отбытия уголовного наказания, а не до момента констатации исправления. После отбытия наказания человек уже не преступник, а потому не может рассматриваться как личность преступника. Человек освобождается от наказания не потому, что исправился, а потому, что истек установленный законом срок наказания. Действительное же его исправление, если под этим понимать положительную перестройку системы нравственных и психологических особенностей, ведение социально одобряемого образа жизни, может иметь место значительно позже отбытия наказания или вообще не наступить. В последнем случае нужно говорить не о личности преступника, а о личности, представляющей общественную опасность.

Тем не менее нужно изучать не только тех, кто уже совершил преступление, но и тех, чей образ жизни, общение, взгляды и ориентации еще только свидетельствуют о такой возможности, которая реальностью может и не стать. Значит, в сфере криминологических интересов находятся алкоголизм, наркомания, бродяжничество, проституция и другие непреступные антиобщественные явления и соответственно личность тех, кто совершает такие

поступки. Все это служит базой научно обоснованной системы профилактики преступлений, в том числе ранней, но изучение указанных лиц выходит за пределы личности субъекта преступления. Стало быть, в предмет криминологии входит не только личность собственно преступника, но и тех, кто может стать на преступный путь, что исключительно важно для борьбы с преступностью. Изучение всех этих вопросов помогает вскрыть причины преступлений и разработать эффективные средства их профилактики.

Можно представить исследование проблем личности преступника, которая, как и любая личность, постоянно изменяется и развивается, в виде некоего пути, этот путь весьма условно и относительно можно разбить на три «части»: 1) формирование личности преступника, личность в ее взаимодействии с конкретной жизненной ситуацией до и во время совершения преступления; 2) личность преступника в процессе осуществления правосудия в связи с совершенным им преступлением;

3) личность преступника в период отбывания наказания. Период адаптации к новым условиям освобожденных от наказания интересует нас лишь в связи с возможностью совершения нового преступления, поэтому он может быть включен в первую «часть». Каждая «часть» может исследоваться соответствующей группой наук.

Наряду с предложенной классификацией возможна и такая классификация основных аспектов личности преступника, каждый из которых изучается обязательно с привлечением достижений и методов соответствующих наук.

Из этой схемы видно, методики и достижения каких наук необходимо использовать при изучении личности преступника.

При организации и осуществлении междисциплинарного изучения личности преступника необходимо иметь в виду возможности наук не только уже участвующих в таком изучении, но и, разумеется, других. Здесь хотелось бы подчеркнуть то обстоятельство, что целью междисциплинарного познания личностных особенностей преступников, как и исследования их отдельными науками, является разработка мер по профилактике преступного поведения, исправление преступников, причем последнее должно реализовываться еще в процессе расследования преступлений и в суде.

Однако криминология в области изучения личности преступника не формулирует исходных понятий для других наук, поскольку это не входит в ее компетенцию. Подобные понятия в рамках своего предмета разрабатывают и развивают соответствующие отрасли научного знания, которые, конечно, должны широко использовать криминологиче-

ские достижения. По той же причине криминология не определяет задач, пределов и инструментария исследований личности преступника, осуществляемых другими науками. Исследование личности в криминологии может быть только криминологическим. Криминология не берет и не может брать на себя функции междисциплинарного познания, поскольку это выходит за пределы ее как науки.

Важной задачей междисциплинарного исследования личности преступника является раскрытие того главного звена, которое придает этой личности характер целостности. Целостность личности нельзя понимать как простое механическое перечисление всех ее определений или как сумму признаков – психологических, демографических, правовых и т. д. Подобное суммарное понимание, внешне претендующее на всестороннее рассмотрение, в действительности утрачивает понимание целостности. Таким звеном является представление о личности преступника в целом как субъекте и объекте общественных отношений, как носителе социальных и биологических особенностей, влияющих на поведение через ее психологию.

Если обратиться к отдельным «частям», выделенным выше, то окажется, что, например, личность осужденного будет изучаться криминологией, уголовно-исполнительным правом, уголовно-исполнительной психологией, уголовно-исполнительной педагогикой, судебной статистикой и судебной психиатрией. Однако наиболее важными и основополагающими являются научные изыскания в криминологии – личность преступника входит в предмет криминологии и никакой другой науки. Разумеется, любая наука для своих нужд может воспользоваться данными криминологии о личности преступника, научные сотрудники любого профиля могут осуществлять изучение преступников.

Теорию личности преступника нужно рассматривать как возникшую на определенном этапе развития криминологии некоторую совокупность упорядоченных и систематизированных знаний, описывающих и объясняющих существование, развитие и особенности тех, кто совершает преступления.

Знание о личности преступника представляет собой научную теорию, во-первых, потому, что это не просто совокупность или сумма знаний, а сложно организованная, систематизированная, внутренне замкнутая и логически в целом непротиворечивая их система о вполне определенном социальном явлении, имеющая свой принцип, идеи, суждения, факты и понятийный аппарат.

Во-вторых, эта область криминологии располагает проверенными практикой данными, может достаточно полно описать и объяснить причины и закономерности своего предмета познания. Эти описания и объяснения представляются логически единственно возможными. В-третьих, анализируемая теория отвечает требованиям минимизации, т. е. в своей основе она имеет минимум исходных идей и понятий. В-четвертых, она дает принципиальную возможность прогнозирования индивидуального преступного поведения, разрабатывает методику такого прогнозирования. В-пятых, настоящая теория служит основанием для многочисленных практических предложений и рекомендаций, широко используемых при осуществлении профилактики преступлений и исправления преступников.

В плане познания личности криминология – уникальная наука, поскольку только она исследует всю совокупность социологических, психологических, правовых, этических, педагогических, медицинских и иных аспектов личности тех, кто совершил преступление. Обеспечивая взаимосвязь указанных аспектов и тем самым взаимодействие различных наук, криминология на качественно новом уровне вырабатывает синтезированное знание об этом явлении.

Не переоценивая достижений в области изучения личности преступника, есть, тем не менее, основания предположить, что теория этой личности в целом адекватно отражает свой предмет познания. Критерием ее развития является не только то, что она обладает объясни-

тельными функциями (что важно в первую очередь), но и то, что указанными функциями обладают такие ее составные элементы, как идеи, суждения и понятийный аппарат. Этот критерий проверяется практикой, но не только и не столько отдельными, изолированными актами практики, а главным образом всей ее совокупностью в прошлом и настоящем. Практика постоянно расширяет, уточняет, изменяет наши знания о личности преступника, но не устанавливает их абсолютной достоверности на все времена, что является одним из движущих механизмов постоянного развития этой отрасли знания.

Теория личности преступника выполняет важную роль концептуального обоснования других теорий – прежде всего теории преступного поведения и теории индивидуальной профилактики преступлений, которые широко используют ее достижения, исходят из них. Вот почему так опасен отрыв, например, теории профилактики преступлений от криминологии. На практике это будет означать беспредметность и неэффективность профилактических мероприятий, если они не будут ориентированы на криминогенные явления, детерминирующие особенности личности преступника, ее формирование, а отсюда – преступное поведение.

Теория личности преступника является частной по отношению к общей теории криминологии и в то же время базой для всех криминологических исследований личностных проблем. Теория личности преступника обладает определенной самостоятельностью, поскольку имеет достаточно четко очерченный круг только ей свойственных интересов и именно поэтому, собственно, предстает как таковая. Вместе с тем она тесно внутренне связана с другими криминологическими учениями, в единстве с которыми составляет системную целостность.

Действительно, теория личности преступника тесно связана с другими криминологическими теориями: преступности, ее причин, преступного поведения, его прогнозирования и предупреждения, конкретных криминологических исследований, виктимологической теорией и др. Например, можно отчетливо проследить взаимосвязь учения о личности преступника с теорией причин преступности. Они частично перекрывают друг друга, т. е. некоторые основные понятия и исходные утверждения одной из них в той или иной мере совпадают с соответствующими понятиями и утверждениями другой, что является условием интертеоретических отношений между ними. Так, во многом пересекаются понятия и утверждения, объясняющие причины преступности и причины преступного поведения. Вместе с тем между этими теориями не существует отношений изоморфизма, т. е. они не имеют одинаковой формы и структуры. По-видимому, такие отношения вообще не существуют между криминологическими теориями.

Теория личности преступника складывалась, конечно, из разных источников. Ее теоретическими источниками были философия, социология, психология, криминалистика и особенно наука уголовного права, а практическими – деятельность по предупреждению и расследованию преступлений, рассмотрению уголовных дел в судах, исправлению преступников. В целом же формирование этой теории диктовалось потребностями общественной практики, необходимостью повышения эффективности борьбы с преступностью. Конечно, не было жесткой, непосредственной, прямолинейной детерминации общественными потребностями зарождения и развития этой теории, как и криминологии в целом. Осознания потребности еще, как известно, недостаточно для возникновения новых учений или научных дисциплин. Необходимо, чтобы в самой науке созрели научные предпосылки решения проблем, поскольку она имеет свои специфические закономерности движения.

Возникновению учения о личности преступника предшествовали схематизация (или идеализация) изучаемого явления, создание некой концептуальной модели, например, в рамках антропологической школы – учение о прирожденном преступнике (преступной личности). Формирование же отечественной криминологической теории о природе и причи-

нах преступности позволило создать такую концепцию, ведущей особенностью которой было признание социальной природы личности преступника. С помощью этой концепции, несмотря на ошибки биологизаторского и социологизаторского характера, были описаны некоторые существенные черты и свойства данной личности.

Значительное развитие теоретические исследования личности преступника в нашей стране получили начиная с 60-х годов. Все больше внимания стало уделяться причинам и механизму преступного поведения, формированию личности преступника и ее основным характеристикам, типологии и классификации преступников. Немало сделано в познании психологии преступника, обозначены важные системные подходы в его изучении и объяснении в совокупности с преступным поведением. Вместе с тем в очень многих работах преобладают лишь описание и систематизация эмпирического материала, мало и часто односторонне (например, преувеличивая значение психиатрических факторов) анализируются природа явления и причины протекающих в нем процессов. Редко вводятся в рассмотрение сколько-нибудь сложные абстрактные объекты, недостаточно используются кибернетические методы исследования. Иными словами, это исследования, обеспечивающие лишь феноменологический уровень развития теории, при котором познание ограничивается описанием явлений (феноменов). Интенсивная теоретическая деятельность криминологов и психологов в последние годы позволила в целом достигнуть высшего, нефеноменологического уровня в изучении личности, когда раскрываются внутренние механизмы происходящих процессов и их причин.³

Рассмотрим некоторые черты криминологической характеристики личности преступника, прежде всего социально-демографические. Изучение и учет криминологических особенностей личности позволят установить отличия преступников от не-преступников, выявить факторы, влияющие на совершение преступлений. Такой анализ необходимо осуществлять не только в масштабах страны, республики, края или области, но и в городах и районах, на отдельных участках оперативного обслуживания. Его результаты помогут определить наиболее важные направления предупредительной работы, например среди тех групп населения, представители которых чаще совершают правонарушения.

Выборочные криминологические исследования и статистические данные свидетельствуют о том, что среди преступников значительно больше мужчин, чем женщин. Однако в некоторых видах преступлений доля женщин выше, чем в преступности в целом, например, среди виновных в хищениях чужого имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением и некоторых других. Расхитительниц-женщин сравнительно больше среди работавших в системе торговли и общественного питания, легкой и пищевой промышленности.

Возрастная характеристика преступников позволяет делать выводы о криминогенной активности и особенностях преступного поведения представителей различных возрастных групп, обусловленных психологическими особенностями их представителей. Криминологией давно установлено, что лица молодежного возраста чаще совершают преступления агрессивного, импульсивного характера. Противоправное же поведение лиц старших возрастов менее импульсивно, более обдуманно, в том числе и с точки зрения возможных последствий такого поведения. Наконец, возраст во многом определяет потребности, жизненные цели людей, круг их интересов, образ жизни, что не может не сказываться на противоправных действиях.

³ Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. 1) Психология преступника и расследования преступлений. М., 1996; 2) Психология преступления и наказания. М., 2000; Лунев В. В. Мотивация преступного поведения. М., 1991; Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступное поведение и психические аномалии. М., 1998; Антонян Ю. М., Гульдан В. В. Криминальная патопсихология. М., 1991, и др.

Имеющиеся данные показывают, что наиболее часто совершают преступления лица в возрасте 16–29 лет. Далее следует группа 30–39 лет, а затем преступная активность значительно «спадает». Наименьшая доля среди преступников падает на лиц старше 60 лет. Основная масса таких преступлений, как убийства, нанесение тяжкого вреда здоровью, кражи, грабежи, разбои, хулиганство, изнасилования, совершается лицами в возрасте до 30 лет. Среди тех, кто совершил должностные преступления и хищения имущества замаскированными способами, преобладают преступники старше 30 лет. Материалы специальной переписи осужденных к лишению свободы говорят о том, что примерно 50 % отбывающих наказание в местах лишения свободы составляют лица в возрасте от 18 до 39 лет.

Данные о социальном положении и роде занятий лиц, совершивших преступления, позволяют сделать выводы о том, в каких социальных слоях и группах, в каких сферах жизнедеятельности имеет наибольшее распространение совершение тех или иных преступлений. Изучение этих вопросов показывает, что, например, почти половина преступников к моменту совершения преступления не состояли в браке, что значительно выше, чем доля не состоявших в браке среди всего населения. При этом коэффициент преступности среди не состоявших в браке почти в два раза выше, чем среди состоявших. В немалой степени это объясняется тем, что среди совершивших преступления значительную долю составляют молодые люди, не успевшие обзавестись семьей. Интересно отметить, что семьи лиц, состоящих в зарегистрированном браке, прочнее, чем у тех, кто состоял в фактических брачных отношениях. За время отбывания наказания в местах лишения свободы чаще распались семьи осужденных женщин, чем мужчин. Иначе говоря, жены больше ждут своих мужей, чем мужья жен.

Существует и другая закономерность: с ростом числа судимостей увеличивается число лиц, не состоящих в зарегистрированном браке.

Подавляющее большинство лиц, совершающих преступления, участвовали в общественно полезном труде, однако многие из них, особенно из числа хулиганов, воров, разбойников и грабителей, часто меняли место работы, имели перерывы, иногда значительные, в своей трудовой деятельности. Среди тех, кто не работал, не учился и не получал пенсии, немало женщин, которые до осуждения занимались домашним хозяйством. Среди неработающих достаточно велика доля преступников-рецидивистов.

Больше всего среди лиц, совершающих преступления, рабочих, значительно меньше крестьян, служащих и учащихся.

В связи с трудовой занятостью необходимо рассмотреть вопрос и о трудоспособности. Этот вопрос должен постоянно учитываться при разработке и осуществлении предупредительных мероприятий, в работе по исправлению осужденных. Поэтому важно знать не только степень трудоспособности, но и характер заболевания, а в связи с этим рекомендации медицинских учреждений.

Выборочные исследования показывают, что большинство преступников было полностью трудоспособными, лишь примерно каждый 8-10-й имел ограниченную трудоспособность. Однако в практической работе важно знать не только о наличии инвалидности, но и о том, если ее нет, какими заболеваниями или расстройствами страдает тот или иной человек, попавший в орбиту предупредительной деятельности правоохранительных органов. Особого внимания заслуживают в этой связи расстройства психической деятельности, поскольку именно такие расстройства, даже если они вызваны соматическими («телесными») заболеваниями, оказывают значительное влияние на поведение человека, в том числе противоправное. Поэтому необходимо отметить, что, как показало специальное изучение, среди преступников около 50 % лиц, страдающих алкоголизмом, психопатиями, олигофренией, остаточными явлениями травм черепа, органическими заболеваниями цен-

тральной нервной системы и некоторыми другими расстройствами психики, которые в подавляющем большинстве случаев не влекут за собой инвалидности.

Наличие психических аномалий помогает понять (при признании определяющей роли социальных факторов) совершение лишь отдельных видов преступлений – в основном некоторых насильственных преступлений и хулиганских действий либо связанных со значительной деградацией личности преступника, с ее постоянным антиобщественным образом жизни (неоднократно судимые рецидивисты, бродяги, попрошайки). Основная же масса преступлений (значительная часть насильственных преступлений, кражи, экономические преступления, преступления против порядка управления, преступления против общественной безопасности, общественного порядка и т. д.) совершается, как правило, психически вполне здоровыми лицами.

С другой стороны, отдельные преступления могут совершаться лицами, имеющими отклонения в психике, однако эти отклонения могут не иметь никакого отношения к преступлению (например, совершение хищения психопатом). В зависимости от формы, группы и стойкости психических аномалий они могут быть криминогенны в одних случаях и совершенно нейтральны – в других. Поэтому важное значение имеет исследование связи отдельных форм патологий с отдельными видами преступлений, например путем выявления частоты встречаемости тех или иных отклонений в тех или иных видах преступного поведения. Так, многие исследования показали, что среди убийц и виновных в нанесении тяжкого вреда здоровью больше всего психопатов и лиц с психопатоподобными состояниями, а среди совершивших изнасилования – лиц с остаточными явлениями органического поражения центральной нервной системы и олигофренов.

Криминогенность аномалий обуславливается и формами патологических изменений личности, которые, как показывает клиническая практика, могут иметь временный, преходящий характер с последующим восстановлением личности либо структурный, необратимый.

На поведение личности, сферу ее интересов, круг общения, выбор способов реализации жизненных целей оказывает влияние образование. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что уровень образования лиц, совершающих преступления, ниже, чем у других граждан, причем особенно низка доля лиц, имеющих высшее и среднее специальное образование. Наименее низкий уровень образования у лиц, виновных в совершении насильственных, насильственно-корыстных преступлений, хулиганстве и бродяжничестве, наиболее высокий – среди совершивших должностные преступления и преступления в сфере экономической деятельности.

Среди характеристик личности преступников особого внимания заслуживают такие, как характер и длительность преступного поведения, что непосредственно связано с психологическими особенностями преступников. Больше всего рецидивистов среди воров, хулиганов, грабителей, разбойников, членов преступных (гангстерских) организаций.

Преступники в отличие от неправоуловленных хуже усвоили требования правовых и нравственных норм, которые не оказывают на них существенного влияния. Такие люди очень часто не понимают, что от них требует общество. Можно предположить, что это связано с необычностью их установок и восприятия, из-за чего любые жизненные ситуации существенно искажаются. В итоге человек не может понять, чего от него ждут и почему он не должен совершать то или иное действие. Причем, что весьма важно отметить, поскольку нормативный контроль поведения нарушен, оценка ситуации осуществляется не с позиций социальных требований, а исходя из личных переживаний, обид, проблем, влечений и инстинктов.

Возможен и другой вариант нарушения социальной адаптации, который называется отсутствием мотивированности к соблюдению социальных требований. В этом случае человек понимает, что от него требует окружение, но не желает эти требования выполнять. Это

порождается отчуждением личности от общества и его ценностей, большим влиянием на нее малых социальных групп (семьи, трудовых коллективов и т. д.). У таких людей плохая социальная приспособляемость. Поэтому у них возникают немалые сложности при попытках адаптироваться в тех же малых группах. Отчужденность преступников проявляется, например, в том, что среди них больше, чем среди законопослушных граждан, тех, у кого невысокий уровень образования и производственной квалификации, отсутствует семья и слабые связи с родственниками, кто часто меняет место работы и место жительства.

Об этом же убедительно свидетельствуют истории жизни отдельных преступников и преступниц, и особенно из числа рецидивистов. Многие из них никогда не были женаты (замужем), а если и были, утратили связи с семьей и не стремятся к их восстановлению. Иногда даже женщины, самой природой, казалось бы, предназначенные для сохранения домашнего очага, в результате длительного антиобщественного существования теряют контакты с родственниками, не знают, что с их детьми. Нет сомнения, что у таких лиц вырабатывается особый взгляд на жизнь, свое, специфическое ее ощущение, и реагируют они на возникающие жизненные ситуации в соответствии с этим. Поэтому не должны удивлять их на первый взгляд странные, иногда нелепые, резко выходящие за рамки обычного поступки, к тому же вроде бы ничем не мотивированные. Но они лишь внешне кажутся таковыми, а на самом деле в результате глубокого анализа всегда можно обнаружить, что преступное поведение внутренне закономерно, субъективно целесообразно и во всех случаях мотивированно.

Сочетание указанных выше психологических особенностей, потенциально предрасполагающих к совершению преступлений, обнаружено исследователями и в других странах. Например, обследование подростков, проведенное в США, показало, что те из них, у которых были установлены эти сочетания, чаще совершали преступления.

Как показали выборочные криминологические исследования, такие черты, как импульсивность, агрессивность, отчужденность, асоциальность, высокая чувствительность и др., в наибольшей степени присущи тем, кто совершает грабежи, разбойные нападения, изнасилования, убийства или наносит тяжкий вред здоровью. Реже их можно обнаружить у тех, кто был признан виновным в совершении краж, а еще реже – у расхитителей чужого имущества и взяточников.

Именно указанные признаки в совокупности с антиобщественными взглядами и ориентациями отличают преступников от неправошащих, а их сочетание (не обязательно, конечно, всех) у конкретного лица выступает в качестве непосредственной причины совершения преступления.

Негативные психологические особенности личности функционируют в рамках индивидуального бытия, на базе собственного жизненного опыта, а также биологически обусловленных особенностей. Однако многие особенности, равно как и психологические черты, носят как бы нейтральный характер и в зависимости от условий жизни и воспитания наполняются тем или иным содержанием, т. е. приобретают социально полезное или антиобщественное значение.

Например, не может всегда расцениваться в качестве только негативной такая черта, как агрессивность. Она, правда, присуща насильственным преступникам, но нужна футболистам, боксерам и некоторым другим спортсменам, совершенно необходима военным – защитникам Родины. Склонность к игре, острым и необычным ситуациям, характерная для мошенников и карманных воров, – неотъемлемое условие успешности некоторых видов предпринимательской деятельности.

Акцент при анализе особенностей личности преступника на психологические ее черты отнюдь не означает, что такие черты можно существенно изменить или даже полностью устранить в результате воспитательно-профилактического воздействия. Необходимо предостеречь от подобных усилий. Стремление, например, ликвидировать такую черту, как агрес-

сивность, может привести к разрушению личности, психическим расстройствам. Поэтому предпочтительнее наполнять личностные признаки другим, социально позитивным содержанием, придавать им другую нравственную окраску. При этом следует помнить, что личность – это всегда совокупность тесно связанных и взаимодействующих между собой психологических качеств и свойств и коррекция одного из них повлечет за собой изменение другого.

Криминологическое изучение личности преступника осуществляется главным образом для выявления и оценки тех ее свойств и черт, которые порождают преступное поведение, в целях его профилактики. В этом проявляется теснейшее единство трех узловых криминологических проблем: личности преступника, причин и механизмов преступного поведения, профилактики преступлений. При этом, однако, личность преступника является центральной в том смысле, что ее криминогенные особенности первичны, поскольку выступают источником, субъективной причиной преступных действий, а поэтому именно они, а не действия или поведение, должны быть объектом профилактических усилий. То, что эти внутренние особенности могут привести к совершению преступлений, составляет сущность общественной опасности личности преступника, а само преступное поведение – производное от них. Если говорить о целенаправленной коррекции поведения, то его невозможно изменить, если указанные особенности останутся прежними.

Сказанное, разумеется, отнюдь не означает игнорирования внешних социальных факторов, ненужность их изучения и учета. Во-первых, криминогенные черты личности формируются под воздействием названных факторов. Однако «закрепленные» в личности, они превращаются в самостоятельную силу, преуменьшать значение которой не следует. Во-вторых, совершению преступления могут способствовать, даже провоцировать на это ситуационные обстоятельства, внешняя среда. Но, как известно, одна и та же ситуация воспринимается и оценивается разными людьми по-разному. Стало быть, в конечном итоге в механизме индивидуального преступного поведения личность преступника играет ведущую роль по отношению к внешним факторам.

Среди преступников немало лиц с ярко выраженной индивидуальностью, лидерскими способностями, большой предприимчивостью и инициативой. Эти качества в сочетании с негативно искаженными ценностными ориентациями, нравственными и правовыми взглядами обычно выделяют лидеров преступных групп и преступных организаций, являясь общественной характеристикой последних. Эти же качества могут служить классификации преступников, показателем их общественной опасности и общественной опасности того или иного вида преступного поведения. В то же время указанные качества должны с успехом использоваться в профилактике преступлений и исправлении преступников. Необоснованное ограничение свободы или принуждение, ненужное подавление инициативы ведут к стандартизации, усреднению личности, лишают ее индивидуальности, тем самым мешая развитию и совершенствованию человека. Индивидуальное начало является, таким образом, существенным моментом предупреждения преступлений, предполагая всестороннее знание и учет особых, неповторимых качеств каждого человека, своеобразие его природных и социальных свойств.

Изучение лидерских способностей отдельных преступников особенно важно для сферы борьбы с организованной преступностью. Наличие лидерских черт означает не только умение руководить людьми и подчинять их себе любыми средствами, но и наличие у лидеров такой черты, как эмоциональная холодность, равнодушие к другим участникам преступной группы или преступной организации. Личность лидера обычно определяет общую направленность преступной активности группы и совершение ею конкретных преступных действий.

Зная общие характеристики контингента преступников, их отличительные особенности и типологические черты, нельзя в то же время забывать, что в любой сфере практической деятельности по борьбе с преступностью – профилактике, раскрытии, расследовании преступлений, рассмотрении уголовных дел в суде, назначении уголовного наказания, исправлении и перевоспитании преступников – сотрудник правоохранительного учреждения всегда имеет дело с живым человеком. Поэтому во всех случаях он обязан иметь в виду индивидуальную неповторимость каждого конкретного подозреваемого, обвиняемого, осужденного.

В преступнике недопустимо видеть лишь носителя социального зла, а всегда – личность с ее неповторимостью, с ее страстями и сложностями, только ею прожитую жизнь, какой бы несправедливой она ни была. Каждый человек (без исключения) интересен, и каждого надо понять, вникнуть в его судьбу, в условия его существования, какое бы гнусное преступление он ни совершил. Это нужно отнюдь не для того, чтобы оправдать преступника, как полагают многие обыватели, а для того, чтобы объяснить его действия и с учетом этого принимать адекватные решения по делу, назначить справедливое наказание, эффективно исправлять осужденного, всегда проявляя гуманность.

В нашу эпоху переоценки многих ценностей, утверждения новых начал общественной жизни важность проблемы индивидуальности еще больше возрастает. От развития и совершенствования индивидуальных качеств людей много зависит в строительстве нового общества. В области борьбы с преступностью значение индивидуальности определяется необходимостью улучшения индивидуальной профилактики преступлений, индивидуализации уголовных и иных наказаний, индивидуального подхода к исправлению преступников. Только учитывая индивидуальность и неповторимость человека, можно понять, почему объективно одинаковые внешние воздействия вызывают разную реакцию у различных людей. Негативные социальные влияния, например, могут привести к формированию антиобщественной направленности личности, только взаимодействуя с индивидуальными, в первую очередь нравственно-психологическими особенностями человека, конкретными условиями его жизнедеятельности, индивидуального бытия. Можно представить следующую схему психологической структуры личности преступника, каждая подструктура которой взаимодействует со всеми остальными.

Черты характера	Нравственные особенности и ориентации, нравственные позиции
Навыки, умения, знания	Представления о себе, отношение к себе
Представление об окружающем мире, отношение к нему (мировосприятие)	Психологические аспекты пола, возраста, состояния здоровья
Биологический фундамент	

Изъятие любой из приведенных подструктур разрушает целостность всей структуры. Ни одна из них не может существовать самостоятельно. Следовательно, все подструктуры находятся в определенных взаимоотношениях и взаимозависимостях, благодаря чему мы

имеем дело не с простой суммой, а со сложной совокупностью элементов, образующих структуру личности преступника.

Предлагаемая структура личности преступника не претендует на то, чтобы быть единственно возможной, а описание ее подструктур, очевидно, не является исчерпывающим. В данном случае важно то, что личность преступника (как и личность вообще) представляет собой сложную структуру, состоящую из целого ряда подструктур. Предлагаемая структура не отражает специфику личности преступника и является статистической структурой личности вообще, т. е. достаточно отвлеченной от реально функционирующей личности, абстрактной параметрической моделью. В статистическом состоянии нет, на наш взгляд, какой-либо особенной личности преступника, включающей в себя такие подструктуры, которые отсутствуют у других людей. И у личности вообще, очевидно, невозможно обнаружить какие-то подструктуры, которых нет у личности преступника. Между тем изучение личности преступника ни в коем случае не может сводиться к познанию лишь общечеловеческих качеств. Анализ личности преступника направлен на установление лишь криминологически значимых черт.

Личность преступника отличается от личности вообще не отсутствием или наличием каких-либо компонентов своей статистической структуры, а прежде всего содержанием, направленностью определенных компонентов этой структуры. Вот почему мы говорим об антиобщественной направленности взглядов, интересов, потребностей, наклонностей, привычек, которые составляют нравственные особенности и ориентации личности, стремимся раскрыть, какие психологические черты характерны именно для преступников.

Личность преступника не существует вне общества не только потому, что именно общество, социальная среда формируют именно такую личность, ее антиобщественную направленность. Дело и в том, что только общество может отнести какие-то поступки к ряду преступных, а само понятие преступника производно от преступления. Иначе говоря, вне преступления нет личности преступника и, следовательно, психологии этой личности. Между тем есть деяния, за которые общество не может не устанавливать уголовной ответственности (убийство, разбой, бандитизм и др.).

Личность преступника есть совокупность интегрированных в ней социально значимых негативных свойств, образовавшихся в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми, а также отличительных психологических особенностей. Эта личность, являющаяся субъектом деятельности, поведения, познания и общения, конечно, не исчерпывается только указанными чертами и свойствами, которые, к тому же, поддаются коррекции. Социальный характер личности преступника позволяет рассматривать ее как члена общества, социальных групп или иных общностей, как носителя социально типичных черт. Включение преступника в активное и полезное групповое общение выступает в качестве важного условия его исправления.

Одной из коренных проблем изучения личности преступника является проблема соотношения социального и биологического. Эта проблема имеет научное, практическое, правовое значение. От ее решения во многом зависят объяснение причин преступности и определение главных направлений борьбы с нею. Отношение к биологическим факторам представляет собой основу некоторых криминологических теорий. Важность указанной проблемы тем более необходимо подчеркнуть, что и в современной криминологии иногда высказываются утверждения, что биологические детерминанты играют столь же существенную роль, что и социальные.

Изучение вопроса о соотношении социального и биологического в личности преступника требует многостороннего подхода с использованием достижений философии, социологии, психологии, биологии, криминологии и других наук, рассмотрения человека не с абстрактно-антропологических позиций, а как продукта конкретно-исторического процесса.

В этом смысле человек имеет общественную природу, а личность может формироваться только при условии включения индивида в систему общественных отношений. Социальный характер жизнедеятельности человека – его отличительная черта. Это отнюдь не означает игнорирования биологических факторов, однако они могут носить лишь характер условия, способствующего преступному поведению, но отнюдь не его причины.

В подтверждение того, что биологические факторы могут сами по себе приводить к преступному поведению, что предрасположенность к такому поведению биологически детерминирована и может передаваться наследственно, часто приводятся данные о том, что среди преступников немало лиц, страдающих расстройствами психической деятельности.

Действительно, как было сказано выше, среди преступников, особенно убийц, насильников, хулиганов, людей многократно судимых, высок удельный вес лиц, имеющих психические аномалии в рамках вменяемости. В то же время достижения патопсихологии и психиатрии, некоторые криминологические данные дают основания считать, что ослабление или искажение психической деятельности любого происхождения способствуют возникновению и развитию таких черт характера, как раздражительность, агрессивность, жестокость, в то же время – снижению волевых процессов, повышению внушаемости, ослаблению сдерживающих контрольных механизмов. Они препятствуют нормальной социализации личности, приводят к инвалидности, мешают заниматься определенными видами деятельности и вообще трудиться, что повышает вероятность совершения противоправных действий и ведения антиобщественного образа жизни. Значимость указанных факторов возрастает в современных условиях общей психической напряженности, увеличения количества эмоционально-стрессовых расстройств, состояний психической дезадаптации.

Однако это вовсе не означает, что аномалии психики являются причиной совершения преступлений. Во-первых, среди всей массы преступников субъектов с такими аномалиями не так уж много. Во-вторых, даже наличие аномалий у конкретного лица далеко не всегда свидетельствует о том, что они сыграли криминогенную роль в его противоправном поведении. В-третьих, как доказано многими эмпирическими исследованиями, не сама аномалия психики предопределяет совершение преступления, а то воспитание, те неблагоприятные условия формирования индивида, которые породили его криминогенные личностные черты. Разумеется, такие аномалии могут способствовать их возникновению и развитию, как и самому противоправному поведению, но лишь в качестве условия, не определяющего содержания этих черт.

Констатация какой-то психической аномалии (например, психопатии, олигофрении в степени легкой дебилности, органического поражения центральной нервной системы и т. д.) отнюдь не объясняет, почему данный человек совершил преступление. Мотивация, внутренние причины преступного поведения не представлены в диагнозе, который лишь определяет наличие того или иного расстройства, его степень, тяжесть и т. д. Поэтому понять субъективные причины преступления, представленные в мотиве, можно лишь путем психологического изучения личности. Дефекты психики, если, конечно, они имеются, вовсе не представляют мотивов преступного поведения, хотя и могут влиять на них.

Среди насильственных преступников, например, немало психопатов. Как установлено, психопатия является одним из факторов, способствующих совершению подобного рода преступлений. В то же время давно известно, что люди, страдающие психопатией, успешно работают и выполняют многие другие обязанности. Поэтому основное значение имеет не аномалия сама по себе, а социальный облик лица, сформированный обществом.

Криминологами предпринимались попытки выявить значение биологических факторов в личности преступника путем изучения близнецов. Это изучение ориентируется на единое генетическое начало, а именно на сходство (идентичность) генотипа и направлено на выяснение степени совпадения иных, в том числе криминологических признаков. Значение

близнецового метода состоит в том, что однояйцовые близнецы имеют совершенно идентичный генотип. Они рождаются в виде двух мальчиков или двух девочек. Сравнивая таких близнецов и оценивая величину внутрисемейной корреляции (соответствия), можно установить, какие их особенности детерминированы генотипом и какие – воздействием среды. Сопоставление данных различных исследований показывает частоту преступности второго близнеца, если первый был преступником, при этом, как оказалось, частота преступного поведения однояйцовых близнецов в два с половиной раза выше, чем у двухяйцовых. Однако это не может служить доказательством биологического происхождения преступлений. Преступное поведение лиц, обладающих сходным генотипом, может объясняться как сходной средой формирования личности, так и сходными психофизиологическими особенностями изученных лиц. К тому же, что немаловажно, однояйцовых близнецов среди населения очень немного, а среди преступников практически единицы, что не позволяет сделать какие-либо однозначные выводы.⁴

В плане соотношения биологического и социального внимание криминологов привлекали лица, обладающие хромосомными аномалиями, т. е. отклонениями от нормального строения и количества хромосом в наследственных (половых) клетках. Хромосомные аномалии встречаются примерно у 0,4 процента новорожденных. Криминологическое значение хромосомных аномалий обычно приписывается двум из них, связанным с наличием у мужчин добавочной 47-й хромосомы типа X или типа Y. В зарубежной литературе было высказано мнение о том, что именно эти типы хромосомных аномалий могут быть связаны с преступным поведением. Однако и в этой области не добыто достоверных данных о связи хромосомных аномалий с преступным поведением. Несовершенство методик исследования, малое число наблюдений в каждом из них – все это привело к тому, что различия в оценках разных ученых степени распространенности «лишней» хромосомы среди преступников достигают двадцатикратных размеров. По существу, исследования хромосомных аномалий установили известную связь этих аномалий не столько с преступностью, сколько с психическими заболеваниями: среди обследованных значительное большинство составили именно лица, страдающие такими заболеваниями (аномалиями). Надо заметить, что приписывание лицам, имеющим хромосомные отклонения, отрицательных свойств психики, а тем более склонности к преступному поведению отнюдь не является безобидным фактом. Отнесение того или иного человека к лицам такой категории может навсегда искалечить ему жизнь. Окружающие будут склонны относиться к подобным людям с подозрением и недоверием. Вот почему правильное понимание рассматриваемой проблемы имеет не только медицинское и правовое, но и педагогическое значение.

При рассмотрении такой сложной проблемы, как соотношение социального и биологического в личности преступника, необходимо иметь в виду одно исключительно важное соображение.

Поскольку речь идет о личности, о роли этих факторов можно говорить лишь на личностном, психологическом уровне. Личность, ее психика являются, образно говоря, ареной, на которой происходит взаимодействие социальных и биологических факторов. Вне ее их соотношение понять невозможно. Поэтому научный анализ указанной проблемы может быть плодотворным только в том случае, если рассматривать действие этих факторов в структуре личности, поскольку человеческое поведение зависит от того, на какой личностной основе они функционируют. Интенсивность проявления социальных и биологических обстоятельств зависит от того, какова сама личность. Однако и здесь мы имеем в виду

⁴ Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика. Поведение. Ответственность: О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. М., 1982. С. 128–139.

именно личность, т. е. субъекта и объекта общественных отношений, социальное качество человека, сформированное воспитанием, средой.

Таким образом, и социальное, и биологическое репрезентированы, представлены в психике человека. Поэтому и возникает необходимость их познания и криминологической оценки именно на психологическом уровне. Вообще следует отметить, что игнорирование личности преступника, по существу, означает отказ от признания преступника личностью.

§ 2. Формирование личности преступника

Процесс формирования личности принято рассматривать как социализацию, т. е. процесс наделения личности общественными свойствами, выбора жизненных путей, установления социальных связей, формирования самосознания и системы социальной ориентации, вхождения в социальную среду, приспособления к ней, освоения определенных социальных ролей и функций. В этот период возникают и закрепляются типичные реакции на возникающие жизненные ситуации, наиболее характерные для данного человека предпочтения.

Социализация личности как активный процесс длится не всю жизнь, а лишь период, необходимый для восприятия комплекса норм, ролей, установок и т. д., т. е. на протяжении времени, нужного для становления индивида как личности. Можно выделить первичную социализацию, или социализацию ребенка, и промежуточную, которая знаменует собой переход от юности к зрелости, т. е. период от 17–18 до 23–25 лет.

Особенно важную роль в формировании личности играет первичная социализация, когда ребенок еще бессознательно усваивает образцы и манеру поведения, типичные реакции старших на те или иные проблемы. Как показывают психологические исследования личности преступников, уже взрослым человек часто воспроизводит в своем поведении то, что запечатлелось в его психике в период детства. Например, он может с помощью грубой силы разрешить конфликт так, как это раньше делали его родители. Можно сказать, что преступное поведение в определенном смысле есть продолжение, следствие первичной социализации, но, конечно, в других формах.

Дефекты первичной, ранней социализации в родительской семье могут иметь криминогенное значение в первую очередь потому, что ребенок еще не усвоил других положительных воздействий, он полностью зависим от старших и совершенно беззащитен перед ними. Поэтому вопросы формирования личности в семье заслуживают исключительного внимания криминологов. Семья – главное звено той причинной цепочки, которая выводит на преступное поведение.

Сейчас накоплено значительное количество данных о семьях правонарушителей, условиях их родительского воспитания. В основном это социологические, социально-демографические данные о семье. Однако на нынешнем этапе развития науки и запросов правоохранительной практики становится ясно, что с помощью лишь такой информации (о составе родительской семьи будущих правонарушителей, общих характеристиках отношений в ней, уровня культуры родителей, совершении ими и другими родственниками аморальных или противоправных действий и т. д.) уже нельзя в должной мере объяснить происхождение преступного поведения.

Так, при всей ценности весьма многочисленных данных о неблагополучных или неполных семьях остается непонятным, почему многие «выходцы» из таких семей никогда не совершают противоправных действий. К числу же неблагополучных семей относят только те, в которых родители совершают противоправные или аморальные действия. Отсутствие, например, отца или его аморальное поведение далеко не всегда формируют личность правонарушителя. Поэтому следует считать, что решающую роль играют не состав семьи, не отношения между родителями, даже не их объективно неблагоприятное, пусть и противоправное поведение, а, главным образом, их эмоциональное отношение к ребенку, его принятие или, напротив, отвержение. Разумеется, перечисленные негативные факторы не могут быть безучастными к таким эмоциональным контактам. Однако можно обнаружить достаточное количество семей, в которых родители совершают правонарушения, но их эмоциональное отношение к детям отличается теплотой и сердечностью. Поэтому есть все основания счи-

тать, что именно отсутствие подобных отношений в детстве в решающей степени определяет ненадлежащее поведение человека в будущем.

Однако условия жизни ребенка не прямо и не непосредственно определяют его психическое и нравственное развитие.

В одних и тех же условиях могут формироваться разные особенности личности, прежде всего из-за того, в каких взаимоотношениях со средой находится человек, какими биологическими чертами он обладает. Средовые влияния воспринимаются в зависимости от того, через какие ранее возникшие психологические свойства ребенка они преломляются.

Имеется множество убедительных доказательств того, что в семьях с прочными, теплыми эмоциональными контактами, уважительным отношением к детям активнее формируются такие качества, как коллективизм, доброжелательность, внимательность, способность к сопереживанию, самостоятельность, инициативность, умение разрешать конфликтные ситуации и др. Все это делает их коммуникабельными, обеспечивая высокий престиж в группе сверстников. Напротив, чем меньше тепла, ласки, заботы получает ребенок, тем медленнее он формируется как личность. Даже недостаточное внимание, низкая частота общения родителей и детей (гипоопека) по самым разным причинам, в том числе объективным, нередко вызывают у последних эмоциональный голод, недоразвитость высших чувств, инфантильность личности. Следствием этого могут быть отставание в развитии интеллекта, нарушение психического здоровья, плохая успеваемость в школе, совершение аморальных и противоправных проступков.

Психологическое отчуждение ребенка от родителей является не единственной причиной формирования личности преступника. Нередко это происходит иным путем: у ребенка и подростка есть необходимые эмоциональные связи с родителями, но именно последние демонстрируют ему пренебрежительное отношение к нравственным и правовым запретам, образцы противоправного поведения (например, постоянно пьянствуют, учиняют хулиганские действия и т. д.). Поскольку же тесные контакты с ними имеются, подросток сравнительно легко усваивает эти образцы, соответствующие им взгляды и представления, которые вписываются в его психологию, стимулируя его поступки. Этот путь криминогенного заражения личности достаточно хорошо известен практическим работникам правоохранительных органов.

Криминогенные последствия может иметь и такой недостаток семейного воспитания, когда при отсутствии теплых эмоциональных отношений и целенаправленного нравственного воспитания окружающие заботятся об удовлетворении лишь материальных потребностей ребенка, не приучая его с первых лет жизни к выполнению простейших обязанностей перед окружающими, соблюдению нравственных норм. По существу, здесь проявляется равнодушие к нему.

Лишение ребенка родительской заботы и попечения может иметь место в явной, открытой форме. Чаще всего это случаи, когда ребенка часто бьют, издеваются над ним, иногда очень жестоко, выгоняют из дома, не кормят, не проявляют ни малейшей заботы и т. д., нанося ему этим незаживающие психические травмы. Неприятие своего ребенка может быть и скрытым, отношения между родителями и детьми в этих случаях как бы нейтральны, эмоционально никак не окрашены, каждый живет по-своему и мало интересуется жизнью другого. Такие отношения выявить всегда трудно, их обычно скрывают и родители, и дети, причем делают это скорее невольно, непреднамеренно. Ведь даже для взрослого человека очень травматично признать, да еще открыто, что родители его не любили, что он был им в тягость и т. д. Осужденные в местах лишения свободы нечасто делают такие признания, поскольку для них в их бедственном положении помощь, сочувствие и любовь родителей чрезвычайно важны, даже если с ними ранее никакой близости не было.

Нередко дети предоставлены сами себе в семьях, в которых много детей или в которых родители слишком заняты по работе. К., 17 лет, осужденная за ряд квартирных краж, так рассказала о своей семье: «Нас, детей, в семье было семеро, я – пятая. Каждый жил, как хотел, на меня родители внимания не обращали, хотя и не обижали никогда». Итог: две младшие сестры К. живут в детском доме, двое братьев и она – в местах лишения свободы.

Отсутствие надлежащих семейных контактов особенно пагубно для девочек. Во-первых, почти все отвергнутые семьей девочки слишком рано начинают половую жизнь, становятся легкой сексуальной добычей для более взрослых парней, быстро деморализуются, их интимные связи приобретают беспорядочный характер. Во-вторых, оторванным от семьи, школы, вышедшим за пределы нормального человеческого общения, таким девушкам очень трудно, а иногда и невозможно вернуться к обычной жизни, завоевать уважение окружающих. Социальное клеймение (стигматизация) женщин обычно оказывается намного более стойким и губительным, чем мужчин. Особенно трагично складывается судьба бродяг, проституток, наркоманок, алкоголичек, а также тех, кто связал себя с профессиональными преступниками. Их не только трудно перевоспитать, но они сами подчас не могут найти место в нормальной человеческой жизни.

Чрезвычайно важно отметить, что в результате эмоционального отвергания родителями ребенка, его неприятия или лишения родительской ласки и попечения в его психике на бессознательном уровне формируются тревожность, беспокойство, боязнь утраты себя, своего «Я», своего положения в жизни, неуверенность в своем бытии, ощущение враждебности, даже агрессивности окружающего мира. Эти качества из-за отсутствия надлежащих воспитательных воздействий или ввиду негативных влияний затем закрепляются в ходе общения в школе, в учебных и трудовых коллективах, среди товарищей и, что очень важно, очень многими и субъективно значимыми условиями жизни индивида.

Все названные качества можно назвать тревожностью, понимая ее как страх небытия, несуществования. Этот страх может иметь два уровня – страх смерти (высший уровень) и постоянное беспокойство и неуверенность (низший уровень). Если тревожность достигает уровня страха смерти, то человек начинает защищать свой биологический статус, свое биологическое существование, отсюда совершение насильственных преступлений как способ защиты от мира, субъективно воспринимаемого как опасный или враждебный. Рядом специальных психологических исследований установлено, что наиболее характерными чертами убийц являются повышенная восприимчивость, ранимость, ожидание угрозы со стороны среды. Если тревожность сохраняется на уровне постоянного беспокойства и неуверенности, то человек может защищать свой социальный статус, социальное существование, свою социальную определенность путем совершения корыстных и корыстно-насильственных преступлений.

Тревожная личность совершенно иначе видит окружающий мир и соответственно реагирует на его воздействия. Ее ведущей чертой является постоянное стремление к самоутверждению, к самоприятию, защите себя и своего «Я», отстаиванию своего места в жизни. Тенденция к утверждению и самоутверждению может осуществляться за счет снижения статуса другого человека, его унижения и даже уничтожения. Именно такие тревожные люди обладают наибольшей степенью внутренней несвободы и весьма предрасположены к противоправному поведению.

Наличие тревожности, бессознательное ощущение призрачности и хрупкости своего бытия, опасение небытия являются фундаментальными особенностями личности и качественно отличают преступника от не преступника. Именно эти особенности выступают в роли основной и непосредственной причины преступного поведения. Иными словами, человек совершает преступления для того, чтобы не разрушились его представления о самом

себе, своем месте в мире, его самоощущение, самооценку, не исчезло приемлемое для него его биологическое и социальное бытие.

У тревожных личностей угроза бытию, биологическому или социальному, способна преодолеть любые нравственные преграды или правовые запреты, игнорировать их, никак не принимать во внимание. Поэтому не учитывается и угроза сурового наказания. Нравственные нормы, регулирующие отношения между людьми, в силу указанных особенностей и отсутствия целенаправленного воспитания не воспринимаются ими. Однако в принципе возможна компенсация указанных черт с помощью целенаправленного, индивидуализированного воздействия с одновременным, если это нужно, изменением условий жизни. Но этого в большинстве случаев не делается.

Если рассматривать причины преступлений на таком бытийном уровне, то их совершение можно представить себе как охрану себя и своих коренных интересов. Названные качества закрепляются, развиваются в личности, «обрастают» другими положительными и отрицательными особенностями, часто противоположными, причем эти наслоения нередко преобладают в ее реакциях на средовые воздействия. Поэтому подобные качества обнаружить очень сложно даже с помощью специальных методов. Изначальные контуры этого психического и психологического явления как бы исчезают, затушевываются более поздними образованиями, в первую очередь культурными, а также теми, которые вызваны физиологическими изменениями.

В нашей стране уже давно существуют объективные факторы, формирующие высокий уровень тревожности личности: значительное расслоение общества в связи с уровнем материальной обеспеченности, объемом и качеством социальных услуг; социальная напряженность между людьми; потеря людьми, особенно молодыми, привычных жизненных ориентиров и идеологических ценностей, некоторое ослабление родственных, семейных, производственных и иных связей, социального контроля; постепенное возрастание числа тех, кто в современном производстве не может найти себе места. Надо полагать, что люди пожилого возраста, несовершеннолетние и женщины более уязвимы для неблагоприятных внешних социальных воздействий.

Конечно, многие люди обладают природной предрасположенностью к тому, чтобы с повышенной тревожностью воспринимать окружающий мир, и у них риск поведенческого срыва достаточно велик. Однако никакая предрасположенность фатально не приводит к совершению преступлений. Страх смерти, как и постоянное беспокойство, может быть преодолен вполне допустимыми и нравственными способами, великое множество которых выработало человечество на протяжении своей истории. Это рождение и воспитание своих детей и внуков, попечение о них, передача им по наследству имущества, традиций и нравственных ценностей, успешная карьера, создание произведений искусства, литературы, научных трудов, накопление богатства и т. д. Поэтому можно сказать, что преодоление страха небытия, в том числе страха смерти, является мощным стимулом человеческого поведения, творческой деятельности, хотя и очень редко осознается в таком своем качестве. Вот почему ни в коем случае нельзя считать, что страх небытия выполняет лишь негативные функции. Нравственная и правовая его оценка целиком и полностью зависят от того, какими способами он преодолевается.

Семья, как известно, психологически характеризуется взаимосвязью между ее членами, а именно наличием взаимных идентификаций, взаимными привязанностями, что порождает общие интересы и ценности, согласованное поведение. Внутрисемейные идентификации представляют собой внутренние механизмы взаимопонимания между членами семьи, способность каждого из них принимать на себя роль другого. Человек может сопереживать и сопереживать другому человеку, если он способен представить себя на его месте, понять, что тот, другой, тоже может нуждаться в помощи и поддержке. Идентификация

неразрывно связана с коммуникацией, ибо, только вообразив себя на месте другого, человек может догадаться о его внутреннем состоянии. На идентификации основывается одна из главных функций семьи – формирование у ее членов способности учитывать в своем поведении интересы других людей, общества.

Значительно возросшие за последние годы агрессивность и жестокость людей, выражающиеся в росте насильственных преступлений, прямо связаны с нарушением эмоциональных коммуникаций в семье. Эти коммуникации сейчас ослабли, семья меньше, чем ранее, способна эффективно контролировать поведение своих членов, которые, в свою очередь, далеко не всегда находят в ней возможность психологической разрядки и отдыха. Семья перестала в должной мере обучать женщину состраданию, сочувствию, мягкости, причем надо отметить, что если родители ее не любили и не заботились о ней, то вряд ли такая женщина сможет научить этому своих детей. Понятно, что все это весьма негативно сказывается на воспитании подрастающего поколения, весьма активно способствуя росту правонарушений среди подростков.

Семья, включая ребенка в свою эмоциональную структуру, обеспечивает тем самым его первичную, но чрезвычайно важную социализацию, т. е. «через себя» вводит его в структуру общества. Если этого не происходит, ребенок отчуждается от нее, чем закладывается основа для весьма вероятного отдаления в будущем от общества, его институтов и ценностей, от малых социальных групп. Это отдаление может принять форму стойкого дезадаптивного, отчужденного существования, в том числе бродяжничества, если не будут осуществлены специальные воспитательные мероприятия. Последнее обстоятельство нужно подчеркнуть особо, так как просто наступление благоприятных, по мнению окружающих, условий жизни может не привести к желаемым результатам, поскольку эти условия субъективно будут восприниматься как чуждые для данного индивида, не соответствующие его ведущим мотивационным тенденциям.

Неблагоприятное формирование личности продолжается в антиобщественных малых неформальных группах сверстников. Последние, как правило, представляют собой объединение в прошлом отвергнутых семьей детей – и юношей, и девушек. Их сближение в рамках такой группы происходит обычно очень быстро, так как они представляют друг для друга огромную социальную и психологическую ценность. Дело в том, что групповая сплоченность и постоянное общение позволяют им устоять перед обществом, которое воспринимается ими как нечто чуждое и враждебное. Естественно, что некоторые его важные нормы перестают регулировать их поведение.

Таким образом, существование преступных групп, или групп, в которых господствуют отсталые, вредные взгляды и нравы, антиобщественные нормы поведения и которые, в свою очередь, оказывают отрицательное влияние на личность, также обусловлено только социальными причинами. Существование подобных групп неизбежно в той же мере, в какой закономерно существование таких общественных структур, из которых выталкиваются отдельные люди, обрекаемые на отчуждение. Отчужденные же личности обязательно объединяются в свои группы для защиты собственных интересов и взаимной поддержки. Общество всегда их будет осуждать, почти всегда же забывая о том, что само виновато в этом. Конечно, группы отличаются друг от друга и своей сплоченностью, и устойчивостью, и степенью своей общественной опасности, причем не только для среды в целом, но и для отдельных своих же членов.

Отторгнутый родительской семьей индивид почти всегда попадает под сильнейшее влияние антиобщественной группы сверстников, участники которой, как правило, совершают преступления. Под влиянием группы формируются установки и ценностные ориентации, включающие в себя способы разрешения возникающих жизненных ситуаций и проблем. Это очень важный момент, поскольку не всегда противоправны сами мотивы и цели

поведения, таковыми чаще являются способы реализации мотивов и достижения целей. Например, противоправно не стремление разбогатеть, а то, каким путем приобретается достаток. Уголовно наказуемым способам может научить семья, но чаще это делает именно группа.

Влияние группы значительно постольку, поскольку данный человек ценит свое участие в ее жизнедеятельности. Ее члены находятся в повседневном общении, между ними возникает множество отношений, основанных на чувствах, причем их отношения друг к другу и оценки различных социальных фактов, событий, других людей неизбежно выражаются в эмоциональной форме. Группа осуждает или одобряет, радуется или негодует, и потому общие настроения и мнения выступают ее основными социально-психологическими, духовными образованиями. Настроения и мнения, господствующие в группе, неизбежно передаются ее членам.

§ 3. Психологические черты личности преступника

Под психологическими особенностями личности, или личностными особенностями мы понимаем относительно стабильную совокупность индивидуальных качеств, определяющих типичные формы реагирования и адаптивные механизмы поведения, систему представлений о себе, межличностные отношения и характер социального взаимодействия. Другими словами, это внутренний компонент личности, который представляет собой относительно устойчивую и неповторимую структуру, обеспечивающую индивиду активную деятельность в обществе.

Полученные в последние десятилетия результаты эмпирического изучения личности преступников в сравнении с законопослушными гражданами убедительно свидетельствуют о наличии некоторых отличительных особенностей, в том числе психологических. Более того, у преступников результаты изучения позволяют раскрыть содержание этих черт, их роль в структуре личности и механизме преступного поведения. Дальнейшее теоретическое осмысление полученных данных будет иметь большое научное и практическое значение.

Отметим вначале исследование, проведенное А. Р. Ратиновым и его сотрудниками с помощью разработанного ими теста «смысл жизни», содержащего 25 пар противоположных суждений. Исследование выявило существенные различия между преступниками и законопослушными гражданами и наиболее сильные – между преступниками и активно-правомерной группой по всем шкалам теста. По дополнительно построенной суммарной шкале статистическая значимость различий находится на уровне достоверной. При пошкальном анализе оказалось, что законопослушные группы испытуемых намного превосходят преступников по социально-позитивному отношению ко всем базовым ценностям, общему самооощению, оценке смысла своей жизни. По всем данным законопослушные группы испытуемых выгодно отличаются от отдельных групп преступников и от преступной популяции в целом. Различия между преступниками и законопослушными группами в наибольшей мере выражены в отношении к таким ценностям, как общественная деятельность, эстетические удовольствия, брак, любовь, дети, семья. Преступники более фаталистичны и меланхоличны, они крайне отрицательно оценивают прожитую жизнь, повседневные дела и жизненные перспективы, у них снижена потребность в саморегуляции и в дальнейших планах они предпочитают беззаботное существование.⁵

Исследование, основные итоги которого мы привели, характеризует главным образом ценностно-нормативную систему личности преступника, ее нравственные стороны. Однако их недостаточно для раскрытия сущности личности преступника и соответственно причин преступного поведения. Поэтому в предпринятом в свое время исследовании сделана попытка выявить психологические особенности преступников и их отдельных категорий.⁶ С этой целью была изучена группа лиц, совершивших так называемые общеуголовные преступления, т. е. убийства, изнасилования, хулиганство, кражи, грабежи, разбои, хищения имущества, а также нанесших тяжкие телесные повреждения. Контрольную группу составили законопослушные граждане (360 человек), в отношении которых не было никаких данных о совершении ими противоправных действий.

Было выдвинуто предположение, что сравнительный анализ психологических особенностей различных категорий преступников и законопослушных граждан позволит еще раз проверить значение этих особенностей в возникновении преступной деятельности.

⁵ Ратинов А. Р. К ядру личности преступника // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии. М., 1981. С. 3.

⁶ Антонян Ю. М., Голубков В. П., Кудряков Ю. Н., Бовин В. Г. Некоторые отличительные психологические черты личности преступника // Личность преступника и предупреждение преступлений // Сб. научных трудов. М., 1987. С. 13–26.

Отобранные группы изучались с помощью методики многостороннего исследования личности (ММИЛ). Этот тест представляет собой адаптированный вариант Миннесотского многофакторного личностного опросника (ММП1), с помощью которого возможно целостное исследование личности, охватывающее три ее уровня. Первый уровень – это врожденные особенности, определяющие темп психической активности, силу и подвижность нервных процессов, устойчивые эмоциональные свойства, сексуальную направленность и другие параметры, имеющие отношение к темпераменту. Второй уровень характеризуется совокупностью устойчивых качеств, сформировавшихся в процессе индивидуального развития в социальной среде и проявляющихся как в виде типичных реакций и действий, так и сознательной, гибкой деятельности, которая представляет определенный тип социального поведения. Третий уровень касается социальной направленности личности, иерархии ее ценностей и нравственных отношений.

Для удобства интерпретации и сравнения различных профилей оценка полученных данных производится в Т-баллах (от 20 до 120). Нормативным является профиль в пределах 0-65 Т-баллов. Шкалы, имеющие пики в пределах 65–75 Т-баллов, указывают на наличие акцентуаций; а свыше 75 – неврозов, реактивных состояний или психопатий.

В ММИЛ – 13 шкал (3 – оценочных, 10 – основных). Оценочные: шкала L (ложь) «измеряет» стремление выглядеть в глазах экспериментатора в более благоприятном свете; шкала F (надежность) позволяет помимо оценки достоверности полученных по методике данных судить о психическом состоянии (напряженности, удовлетворенности ситуацией и т. д.), степени адаптации; шкала К (коррекция) дает возможность дифференцировать лиц, стремящихся смягчить либо скрыть те или иные черты характера, выявить уровень социальной опытности, знание социальных норм. Основные: 1 (соматизация тревоги) – позволяет выявить беспокойство за состояние своего здоровья; 2 (депрессия) – расстройства тревожного характера, утрату интересов к окружающему, подавленность и т. д.; 3 (демонстративность или истероидность) – склонность к истерическим реакциям или демонстративному поведению; 4 (импульсивность) – склонность поступать по первому побуждению, под влиянием эмоций и т. д.; 5 (мужественность-женственность) – выраженность традиционно мужских или женских черт характера; 6 (ригидность, застреванность) – застревание аффекта, склонность к подозрительности, злопамятность, повышенную чувствительность в межличностных отношениях; 7 (тревога) – постоянную готовность к возникновению тревожных реакций; фиксацию тревоги и ограничительное поведение; 8 (изоляция) – тенденцию к соблюдению психической дистанции между собой и окружающим миром, уход в себя; 9 (активность) – настроение человека, общий уровень активности, наличие оптимизма или пессимизма; 0 (социальные контакты) – степень включенности в среду, общительность или замкнутость.

Следует отметить, что важны не только показания по отдельным шкалам, но и сочетания различных показателей (профиль ММИЛ).

Сравнение усредненных показателей ММИЛ преступников с нормативными данными (полученными на выборке законопослушных граждан) показало наличие статистически достоверных различий между ними ($p < 0,05$) почти по всем шкалам. Профиль преступников носит пикообразный характер (ярко выраженные пики по шкалам F – надежность, 8 – изоляция, 6 – ригидность, 4 – импульсивность), расположен в пределах от 55 до 73 Т-баллов, являясь по сравнению с нормативными данными смещенным вверх (см. рис. 1).

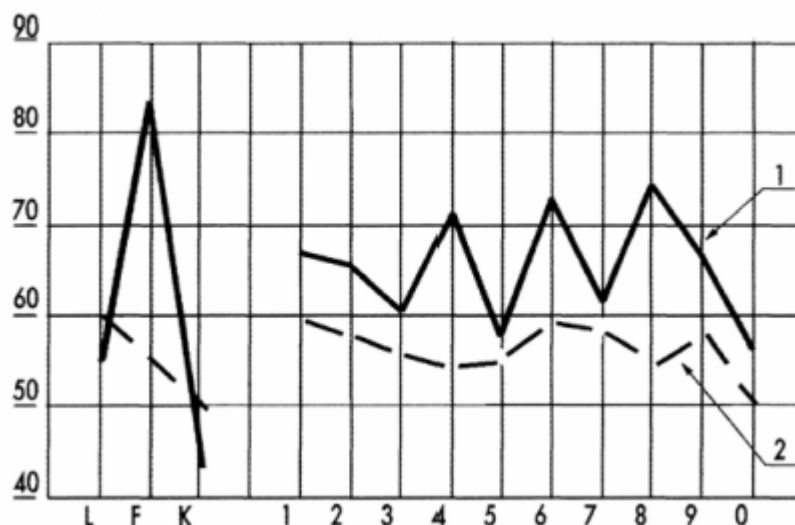

Рис. 1. Усредненные показатели преступников (1) и законопослушных граждан (2)

Подобный пикообразный профиль обычно свидетельствует об относительной однородности по психологическим особенностям обследованной группы. Причем, как отмечают большинство исследователей, работающих с этой методикой, пики на правых шкалах (4, 6, 8 и 9) связаны в большей степени с устойчивыми характерологическими особенностями, а не с актуальным психическим состоянием.⁷

Подъем шкал Р, 4, 6, 8 до 70 Т-баллов можно интерпретировать как наличие у большинства из обследованных преступников заостренных личностных черт, в значительной мере определяющих их поведение. Подобные показатели могут свидетельствовать также о сниженной социальной адаптации и серьезных нарушениях межличностных контактов. Полученные нами результаты в принципе не расходятся с результатами исследований Г. Х. Ефремовой. По ее данным, суммарный профиль преступников характеризуется сочетанием ведущего подъема по 8-й шкале и выраженных подъемов по 4-й и 6-й шкалам, что свидетельствует, как она считает, о плохой социальной податливости, отсутствии внутренних морально-этических критериев, выраженной агрессивности и активности.⁸

Исследования преступников, проведенные в других странах, также показали, что у большинства из них отмечаются высокие результаты по шкалам F, 4, 8, 9. Обследование подростков, проведенное в 50-х годах в США, показало, что те из них, которые имели высокие показатели по шкалам 4, 8, 9, чаще совершали преступления. Эти результаты были подтверждены в ряде других исследований⁹.

Подводя итог сказанному, можем отметить, что в своей массе преступники характеризуются выраженными устойчивыми психологическими особенностями, отражаемыми пиками по шкалам 4, 6, 8. Психологические свойства, отраженные в пиках по шкалам 4, 6, 8, не являются следствием актуальной неблагоприятной ситуации, а относятся к числу фундаментальных. Они формируются в процессе социализации индивида на достаточно раннем этапе, что подтверждается наличием у подростков, склонных к совершению преступления, аналогичных данных.

⁷ См., напр.: Собчик Л. Н. Пособие по применению психологической методики ММР1. М., 1971. С. 24.

⁸ Ефремова Г. Х. Экспериментальная проверка возможности применения многофазного личностного теста при изучении личности преступника // Психологическое изучение личности преступника. М., 1976. С. 54–55.

⁹ Богомолова С. Н. Зарубежный опыт исследования личности преступника многофакторным личностным тестом // Психологическое изучение личности преступника. М., 1976. С. 23–44.

Сочетание высоких значений по 4-й, 6-й, 8-й шкалам встречается у большинства преступников не случайно, так как личностные свойства, отражаемые таким профилем, в наибольшей степени потенциально предрасполагают при соответствующих условиях к совершению преступления. Пик на шкале 4 ММИЛ связан с такими свойствами, как импульсивность, нарушение прогнозирования последствий своих поступков, неприятие социальных, а тем более правовых норм и требований и враждебное к ним отношение (асоциальность). Повышение по шкале 6 усиливает все вышеописанные тенденции, так как они становятся постоянной линией поведения. Пик по шкале 6 при этом отражает ригидность, высокий уровень агрессивности, наличие аффективных установок, которые не позволяют изменить стереотип поведения, что приводит к нарушению социального взаимодействия и плохой социальной приспособляемости.

Таким образом, повышение по шкале 6 отражает прежде всего то, в какой степени поведение человека управляется аффективно заряженной концепцией, а повышение по шкале 4 – насколько субъект считается с существующими нормами при проведении в жизнь своих стремлений.

Для сколько-нибудь асоциального поведения необходим подъем по шкале 6 в сочетании с подъемом на шкале 4. Без подъема на шкале 6 возникают лишь эпизоды асоциального поведения, оно не выступает как образ жизни. Повышение по шкале 8 при имеющемся профиле выявляет своеобразие установок и суждений, которые могут реализовываться в странном и непредсказуемом поведении, ухудшение прогноза последствий своих поступков за счет оторванности от социальной реальности, невозможность интериоризации моральных и правовых норм. Если при таком сочетании шкал имеется еще дополнительно и повышение по шкале 9, отражающей силу активности, то можно ожидать внезапных вспышек агрессивности, так как высокий уровень активности приводит к еще большим трудностям управления своим поведением.

Значительные отличия преступников от неправопослушных по показателям шкал 4, 6, 8 и их сочетаниям наглядно представлены в *табл. 1*. Она показывает, что удельный вес преступников, характеризующихся названными пиками, намного выше, чем среди законопослушных граждан. Как отмечалось, психологические особенности, выявленные с помощью этих шкал, носят устойчивый характер и не определяются условиями изоляции от общества. Это подтверждается тем, что среди осужденных за хищения доля характеризующихся пиками по шкалам 4, 6, 8 значительно меньше, чем среди других преступников, а усредненный профиль расхитителей вообще не отличается выраженными пиками.

Таблица 1

Соотношение видов преступлений и преступников, имеющих типичный профиль по ММИЛ 4, 6, 8

Вид совершаемых преступлений	Относительное число преступников, имеющих типичный профиль 4, 6, 8, %	Иные профили, в %	Общее количество обследованных, в %
Грабеж и разбой	44,4	55,6	100
Изнасилование	41,5	58,5	100
Убийство и нанесение тяжкого вреда здоровью	36,3	63,7	100
Кража (всех видов)	25,3	74,7	100
Хищение социального имущества	22,2	77,8	100
Контрольная группа (законпослушные граждане)	5,0	95,0	100

Прослеживается статистическая связь между видом преступления и особенностями личности, выявленными с помощью использования методики.

Можно сказать, что наиболее типичные по психологическим особенностям преступники встречаются среди лиц, совершивших тяжкие насильственные преступления (грабежи, разбои, изнасилования, убийства), и психологически менее типичными являются лица, совершившие ненасильственные преступления (кражи, хищения имущества). Минимальная типичность и соответственно наибольшее психологическое разнообразие отмечаются в группе законопослушных граждан.

Таким образом, можно считать установленным, что преступники от неправоверников на статистическом уровне отличаются весьма существенными психологическими особенностями, влияющими на противоправное поведение. Иными словами, понятие личности преступника может быть наполнено этим психологическим содержанием. Поскольку же указанные психологические черты участвуют в формировании нравственного облика личности, есть основания утверждать, что преступники от неправоверников в целом отличаются нравственно-психологической спецификой.

Полученные нами результаты позволяют дать психологический портрет обследованных преступников и выделить ведущие личностные черты. Профиль ММИЛ преступников указывает прежде всего на плохую социальную приспособленность и общую неудовлетворенность своим положением в обществе (подъем на шкалах F, 4). У них выражена такая черта, как импульсивность, которая проявляется в сниженном контроле своего поведения, необдуманных поступках, пренебрежении последствиями своих действий, эмоциональной незрелости.

Социальные нормы, в том числе правовые, не оказывают на их поведение существенного влияния. Такие люди обычно не понимают, что от них требует общество. Можно предположить, что это связано с необычностью установок и восприятия, в связи с чем любые жизненные ситуации оцениваются необъективно, ряд ее элементов игнорируется или искажается. В итоге человек часто не может понять, чего от него ждут и почему он не может совершать то или иное действие. Причем, что очень важно отметить, поскольку нормативный контроль поведения нарушен, оценка ситуации осуществляется не с позиций социальных требований, а исходя из личных переживаний, обид, проблем и желаний.

Возможен и другой вариант нарушения социальной адаптации, который вызван отсутствием мотивированности к соблюдению социальных требований. В этом случае человек понимает, чего от него требует социальная среда, но не желает эти требования выполнять.

Сочетание подъема на шкале 8 и снижения на шкале 5 может свидетельствовать о нарушении эмоционального контакта с окружением, невозможности встать на точку зрения другого, посмотреть на себя со стороны. Это также снижает возможность адекватной ориентировки, способствует возникновению аффективно насыщенных идей, связанных с представлением о враждебности со стороны окружающих людей и общества в целом. В этом случае может создаваться такое представление субъекта об обществе, с которым реальное общество не тождественно. С другой стороны, одновременно идет формирование таких черт, как уход в себя, замкнутость, отгороженность и т. д. По мнению большинства исследователей, работавших с тестом, подобные личностные тенденции вызваны повышенной сенситивностью и чрезмерной стойкостью аффекта, что наиболее ярко проявляется при подъемах на шкалах F, 4, 8. Как уже отмечалось, такой профиль встречается у подростков, склонных к правонарушениям. У взрослых преступников, как видно из наших данных, можно отметить пик и по шкале 6. В этом случае появляются такие свойства, как агрессивность, подозрительность, чрезмерная чувствительность к межличностным контактам. Правильная оценка ситуации еще более затрудняется, так как поведение управляется аффективными установками, а поступки окружающих рассматриваются как опасные, ущемляющие личность. Это приводит к еще большей зависимости поведения от актуальной ситуации, выход из которой может быть противоправным, так как в этот момент для преступника реально существует только настоящее. Другими факторами, способствующими совершению преступлений, являются дефекты правосознания и нарушения социальной адаптации, поэтому многие преступления, особенно насильственные, являются результатом неспособности разрешить ситуацию в социально приемлемом плане.

Данные ММИЛ нормативной группы (законопослушные граждане), как видно на *рис. 1*, существенно отличаются от результатов, полученных при обследовании преступников. Их профиль носит линейный характер со средней линией 50 Т-баллов. Это говорит прежде всего о неоднородности группы по своим психологическим особенностям и о сравнительно незначительном количестве среди них лиц с ярко выраженными личностными свойствами (акцентуированными или психопатизированными). Другими словами, мы хотим сказать, что среди законопослушных граждан встречаются люди с разнообразными типами личности (и среди них, в отличие от преступников, нельзя выделить доминирующие¹⁰).

Рассмотренные выше личностные черты преступников присущи различным их категориям не в равной мере. У одних категорий, например у осужденных за изнасилования, профиль ММИЛ и соответственно психологические особенности сходны с суммарным профилем всех преступников, у других (осужденных за убийство, грабеж и разбой, а также за кражу), совпадая по общей конфигурации, отличаются по степени выраженности тех или иных показателей. При этом необходимо отметить, что профили убийц и грабителей расположены выше, чем суммарный профиль преступников, т. е. определенные психологические свойства у этих категорий преступников выражены сильнее, а у «воров» – слабее, что говорит о меньшей выраженности соответствующих черт у последних.

Особое место среди преступников по своим психологическим свойствам занимают расхитители, которые, по данным ММИЛ, существенно отличаются от всех остальных категорий преступников как по расположению профиля, так и по его конфигурации, т. е. как по набору личностных черт, так и по степени их выраженности. По сравнению с другими

¹⁰ Данные ММИЛ, полученные нами на законопослушных гражданах, не имеют принципиальных отличий от результатов Л. Н. Собчик. См.: *Собчик Л. Н.*

преступниками расхитители являются более адаптированными, более приспособленными к различным социальным ситуациям и их изменениям; лучше ориентируются в социальных нормах и требованиях, более сдержанны, могут хорошо контролировать свое поведение. Расхитителям не свойственны такие черты, как агрессивность и импульсивность поведения, которые отмечаются у насильственных преступников. Они более общительны, большинство не испытывают трудностей в установлении социальных контактов, у многих встречаются такие черты, как стремление к лидерству, потребность в социальном признании.

Данные ММИЛ расхитителей показывают, что лица, входящие в эту категорию, обладают разнородными и разнонаправленными личностными свойствами.

На профиле ММИЛ у них не выделены выраженные личностные черты, присущие всем или большинству из них. Подтверждается это тем, что профиль ММИЛ расхитителей носит равномерный линейный характер со средней линией 60 Т-баллов, что обычно связано с неоднородностью психологических свойств обследованных. По своим психологическим особенностям большинство расхитителей не имеют существенных отличий от нормативной группы (законопослушные граждане), которые в массе также обладают различными личностными свойствами. На *рис. 2* видно, что усредненные данные расхитителей и законопослушных граждан достаточно схожи по конфигурации. Вместе с тем профиль ММИЛ расхитителей расположен несколько выше нормативного, что можно объяснить, на наш взгляд, наличием у этой категории преступников, в отличие от законопослушных граждан, актуальных социально-психологических проблем, связанных с привлечением к уголовной ответственности¹¹.

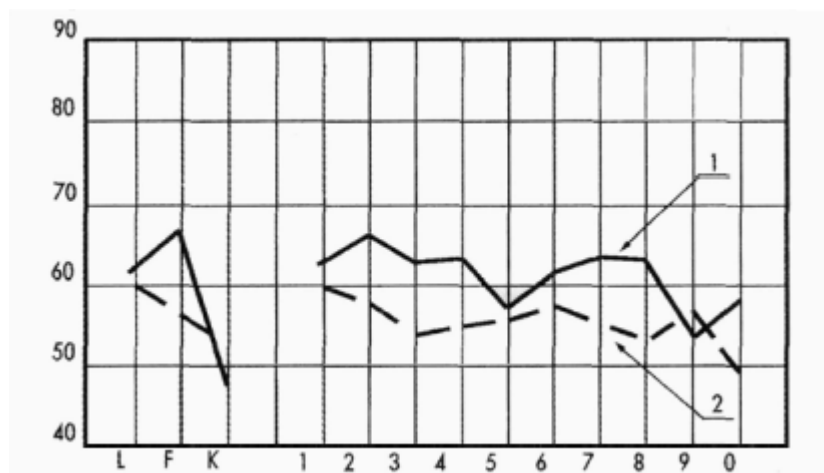

Рис. 2. Усредненные показатели расхитителей (1) и законопослушных граждан (2)

Стандартизированный метод исследования личности (СМИЛ) и опыт его применения с целью индивидуализации спортивной подготовки: Методическое пособие. М., 1976. С. 17.

Последствием возникшего в связи с этим неблагоприятного психического состояния является общая активизация защитных механизмов, направленная на снижение внутреннего напряжения и тревоги.

Конфигурация усредненного профиля расхитителей также подтверждает, что его общее повышение по сравнению с нормативными данными связано с неблагоприятным психическим состоянием вследствие пребывания в местах лишения свободы. Усредненный про-

¹¹ Исследования американского ученого С. Джилла и др. показали, что влияние таких факторов, как осуждение и помещение в места лишения свободы, приводит к общему подъему профиля практически по всем шкалам. См.: Далстром У.Г., Уэлш Дж. III. Руководство по ММРІ, ч. III. Клиническое применение. Миннесотский университет, 1960. С. 136.

филь расхитителей характеризуется незначительными пиками по невротическим шкалам 2, 7 (депрессия и тревога) и снижением по шкале 9 (активность). Также имеются незначительные пики по шкалам 4, 8, 0, отражающим импульсивность, степень изолированности и уровень развития социальных контактов. Такой профиль ММИЛ свидетельствует о наличии депрессии, пессимистической оценки перспективы, сочетающейся с внутренней напряженностью, тревогой, общей неудовлетворенностью ситуацией и снижением активности. Иначе говоря, их профиль отражает скорее актуальное психическое состояние, а не стойкие характерологические особенности.

В значительной степени черты, присущие всем преступникам, выражены у убийц. Профиль ММИЛ убийц имеет достоверное отличие ($p < 0,05$) от усредненного профиля всех преступников по шкалам L, F, K, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 0, т. е. по одиннадцати из тринадцати показателей методики. Однако, несмотря на сходство конфигураций, у убийц обнаружены выраженные однородные личностные свойства, которые определяются прежде всего пиками по шкалам P, 6, 8 (см. рис. 3).

Это, следовательно, люди, поведение которых в значительной мере определяется аффективно заряженными идеями, реализуемыми в определенных ситуациях.

Они чрезвычайно чувствительны к любым элементам межличностного взаимодействия, подозрительны, воспринимают внешнюю среду как враждебную. В связи с этим у них затруднена правильная оценка ситуации, так как она легко меняется под влиянием аффекта. Повышенная сенситивность к элементам межличностного взаимодействия приводит к тому, что индивид легко раздражается при любых социальных контактах, представляющих хотя бы малейшую угрозу для его личности.

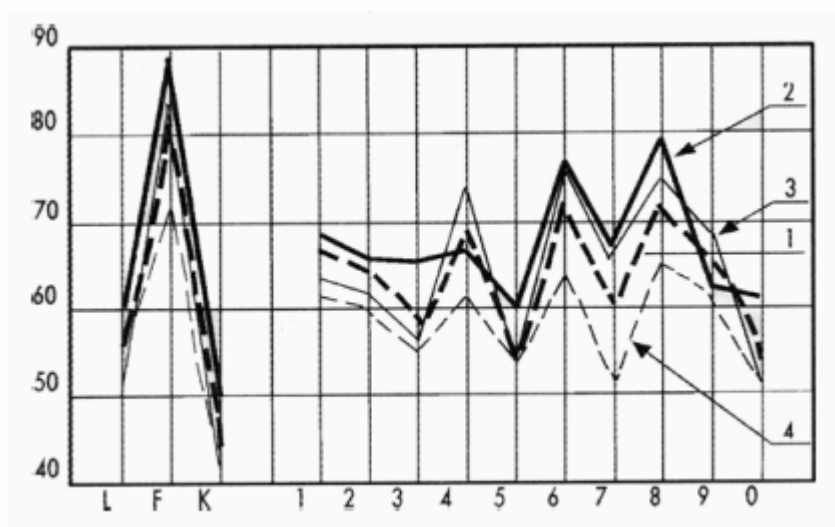

Рис. 3. Усредненные показатели преступников (1), убийц (2), корыстно-насильственных (3), воров (4)

Такие люди обладают достаточно устойчивыми представлениями, которые с трудом могут корректироваться. Другими словами, если они имеют о ком-то или о чем-то свое мнение, то их трудно переубедить. Все затруднения и неприятности, с которыми они встречаются в жизни, интерпретируются как результат враждебных действий со стороны окружения. В своих неудачах они склонны обвинять других, но не себя.

Наиболее чувствительны такие люди в сфере личной чести, для них характерно повышенное сознание своей ценности. Из-за наличия постоянного аффекта, что менее достойные

пользуются большими правами, чем они, у них может возникнуть потребность защищать права, и они начинают играть роль «борца за справедливость».

Значительное повышение по F и 8 шкалам говорит также о наличии у убийц эмоциональных нарушений, социальной отчужденности и трудностях, связанных с усвоением не только моральных, но и правовых норм. Такие люди совершают преступления чаще всего в связи с накопившимся аффектом в отношении того или иного человека или ситуации, не видя при этом (или не желая видеть) другого способа разрешения конфликта. Наделение других людей своими мыслями, ощущениями и действиями приводит к тому, что они начинают восприниматься как враждебные и агрессивные. Вследствие этого, совершая акт насилия, убийца считает, что он таким образом защищает свою жизнь, свою честь, «справедливость», а иногда и интересы других. Следовательно, убийц отличают от всех других категорий преступников прежде всего чрезмерная стойкость аффекта и повышенная интерперсональная сензитивность, а также возможность возникновения реакций «короткого замыкания» (пик на шкале 3).

Близко к убийцам по степени выраженности личностных свойств находятся корыстно-насильственные преступники. От убийц они отличаются по шкалам 1, 3, 4, 9, 0 ММИЛ ($p < 0,05$) в сторону увеличения степени выраженности психологических свойств (см. рис. 3).

Корыстно-насильственные преступники так же, как и убийцы, являются однородной группой с выраженными характерологическими признаками, содержание которых в основном определяется пиками на шкалах F, 4, 6, 8, 9. Значительное повышение по шкале 4 связано с такими свойствами, как импульсивность поведения и пренебрежение социальными нормами, агрессивность. Пик по шкале 6 усиливает агрессивность поведения за счет общей ригидности и стойкости аффекта. Повышение по шкале 8 показывает значительную отчужденность от социальной среды, в связи с чем снижается возможность адекватной оценки ситуации. Подъем по шкале 9 (имеет самое высокое значение среди сравниваемых групп преступников) до уровня 70 Т-баллов, т. е. повышение общего уровня активности, приводит к тому, что импульсивность поведения становится наиболее характерной чертой, могут возникать внезапные агрессивные поступки.

Психологический анализ профиля ММИЛ корыстно-насильственных преступников показывает, что для них характерна повышенная враждебность к окружению и их асоциальные поступки выступают как постоянная линия поведения. Прежде всего в профиле этой категории преступников отражаются трудности в усвоении моральных, а следовательно, и правовых норм. Если поведение убийц направляется в основном аффективно заряженными идеями, то поведение корыстно-насильственных преступников определяется тенденцией к непосредственному удовлетворению возникающих желаний и потребностей, что сочетается с нарушением общей нормативной регуляции поведения, интеллектуального и волевого контроля. Таким образом, корыстно-насильственные преступники отличаются от других наибольшей неуправляемостью поведения и внезапностью асоциальных поступков.

Профиль ММИЛ воров определяется пиками по тем же шкалам, что и других категорий преступников (кроме расхитителей), т. е. F, 4, 6, 8, 9. Однако у воров эти показатели имеют меньшую степень выраженности в сочетании с возможностью более высокого контроля своего поведения (подъем по шкале K и общее снижение профиля). По общей конфигурации профиль воров имеет сходство с профилем корыстно-насильственных преступников, но расположен значительно ниже профилей не только убийц и корыстно-насильственных преступников, но и суммарного профиля всех обследованных категорий, что говорит о меньшей выраженности у них соответствующих личностных свойств. Они также являются однородной группой с выраженными характерологическими особенностями. От корыстно-насильственных преступников их отличает значительное снижение ($p < 0,05$) по шкалам F, 4, 6, 7, 8, 9 и подъем по шкале K. Другими словами, их психологические особенности сходны с

корыстно-насильственными, но имеют значительно меньшую степень выраженности. Они более социально адаптированы, менее импульсивны, обладают меньшей ригидностью и стойкостью аффекта, более лабильны и подвижны, у них меньше выражены тревога и общая неудовлетворенность актуальным положением. Их агрессивность значительно ниже, и они в большей степени могут контролировать свое поведение.

По сравнению с усредненным профилем всех преступников профиль воров статистически достоверно ($p < 0,05$) отличается снижением по шкалам F, 6, 7, 8, 0 и подъемом по шкале L.

Поведение их по сравнению с другими преступниками отличается гибкостью, уверенностью при необходимости принимать решения (снижение по шкале 7). И если поведение убийц направляется в основном аффективными идеями и искаженно понимаемыми социальными требованиями и нормами, а импульсивное поведение корыстно-насильственных преступников обусловлено трудностями в усвоении и осознании социальных норм, то для воров характерны хорошая ориентация (по сравнению с другими преступниками, кроме расхитителей) в этих нормах и требованиях, но, несмотря на это, внутреннее неприятие их и сознательное нарушение.

Вызывают интерес данные по ММИЛ в отношении лиц, совершивших такое преступление, как изнасилование. Их профиль полностью совпадает с усредненным профилем всех преступников, за исключением более низких значений по шкалам L и 5. Эти данные свидетельствуют о наличии таких свойств, как склонность к доминированию и преодолению препятствий, снижение чувствительности по отношению к другим людям и возможность рефлексии. Лица с низким значением шкалы 5 могут демонстрировать нарочито мужественный стиль жизни, характеризующийся подчеркиванием своей силы, пренебрежением к мелочам. Можно предположить, что они стараются всячески утвердить себя в мужской роли. Об этом говорит и характер совершенного ими преступления, в котором в меньшей степени отражаются сексуальные мотивы, а в большей – самоутверждение себя в мужской роли. По нашему мнению, об этом свидетельствует и то, что эти лица при обследовании их по ММИЛ стремятся подчеркнуть наличие у себя традиционно мужских черт. Такая тенденция выявляется обычно как гиперкомпенсация нарушения идентификации с традиционно и культурно обусловленной мужской ролью. Этот вид преступлений, так же как и другие, связан с такими личностными свойствами, как импульсивность, ригидность, социальная отчужденность, нарушение адаптации, дефекты правосознания и возможности регуляции своего поведения. Об этом говорит сходство конфигураций профилей сравниваемых групп преступников. Но направленность этого вида преступлений обусловлена стремлением к самоутверждению себя в мужской роли.

Интересные данные получены при сравнительном анализе показателей ММИЛ различных категорий преступников (см. *табл. 2*) с выделением по отдельным шкалам наиболее высоких и наиболее низких значений ($p < 0,05$). Данные, приведенные в *табл. 2*, дают возможность выделить отличительные признаки, характерные для каждой категории преступников.

Например, у убийц по сравнению со всеми другими группами преступников более высокие результаты по шкалам 3, 5, 0. Значения по этим шкалам статистически достоверно ($p < 0,05$) отличаются от аналогичных показателей у других категорий преступников. Можно предложить следующую интерпретацию этих результатов. У убийц в наибольшей степени выражена тенденция выпядаться в лучшем свете. Они придают большое значение мнению окружающих о себе, и поэтому действия убийц чаще могут определяться актуальной ситуацией, складывающейся в их межличностных отношениях (повышение по шкалам 3 и 5 и сравнительно высокое шкалы L). Можно предположить, что убийцы наиболее склонны к импульсивным реакциям «короткого замыкания» на фоне аккумуляции аффекта (самое

высокое значение по шкале 3). В то же время убийцы наиболее чувствительны к оттенкам межличностных отношений и обнаруживают очень сильную зависимость от них (об этом говорит самое высокое значение по шкале 5 на фоне имеющегося профиля). Убийцы сравнительно больше испытывают трудностей в установлении контактов, более замкнуты и необщительны, что еще больше затрудняет межличностные отношения и способствует возникновению конфликтов (самое высокое значение по шкале 0 при имеющемся профиле).

У корыстно-насильственных преступников наиболее высокие значения по шкалам 4 и 9 ($p < 0,05$). Поэтому можно сказать, что у этих преступников в наибольшей степени выражена потребность в самоутверждении, аффективный фон оказывает непосредственное влияние на поведение в большей степени, чем у других преступников, т. е. у них наиболее сильно выражены такие черты, как импульсивность и пренебрежение к социальным нормам и требованиям. Они обладают наиболее низким интеллектуальным (сравнительно низкое значение по шкале К) и волевым контролем (самое высокое значение по шкалам 4 и 9).

У совершивших изнасилование, по сравнению со всеми остальными преступниками, обнаружено наиболее низкое значение по шкале 5 ($p < 0,05$). Это говорит о том, что у них самая низкая чувствительность в межличностных контактах (черствость) и в наименьшей степени выражена склонность к самоанализу и рефлексии. Интеллектуальный контроль их поведения так же низок, как и у корыстно-насильственных преступников (сравнительно низкое значение по шкале К).

Таблица 2

Распределение отличительных черт среди преступников

Категории преступников	Отличительные черты
Убийцы	Высокая чувствительность к межличностным взаимодействиям
Корыстно-насильственные	Самая высокая импульсивность при низком контроле. Пренебрежение правовыми нормами
Совершившие изнасилование	Самая низкая чувствительность в межличностных отношениях при низком контроле поведения

Воры	Самый низкий уровень тревоги, гибкость поведения
Расхитители	Наиболее адаптированы, высокий самоконтроль, хорошо ориентируются в социальных нормах и требованиях

У воров самое низкое по сравнению с другими преступниками значение по шкале 7. Это говорит о том, что воры обладают наиболее гибким поведением и отличаются сравнительно низким уровнем тревоги (об этом говорит и низкое значение по шкале 2). В то же время они наиболее общительны, с хорошо развитыми навыками общения и в большей степени стремятся к установлению межличностных контактов (сравнительное снижение показателя по шкале 0). Они наиболее, исключая расхитителей, социально адаптированы. Для

них менее характерна реакция самоупрека и самообвинения за совершенные ранее асоциальные действия (об этом говорят сравнительно низкие значения по шкалам 2, 6, 7, 8, 0).

Расхитители имеют самое высокое значение по шкале К, т. е. они обладают наиболее высоким интеллектуальным контролем поведения, дорожат своим социальным статусом, хорошо ориентируются в нюансах социальных взаимодействий (об этом говорит также сравнительно высокое значение по шкалам L, 2). В то же время они наиболее адаптированы, лабильны, неаутизированы, отличаются наименьшей психической напряженностью (снижение по шкалам F, 4, 6, 8). Сравнительное снижение по шкале 9 при имеющемся профиле говорит о том, что аффективный фон не оказывает на их поведение существенного влияния, а также о высоком уровне интериоризации социальных норм.

В табл. 2 показаны наиболее отличительные черты той или иной категории преступников.

Проведенный анализ психологических особенностей преступников позволил сделать следующие выводы:

1. Среди преступников значительное число лиц, обладающих однородными личностными особенностями, среди которых ведущими являются импульсивность, агрессивность, асоциальность, гиперчувствительность к межличностным взаимоотношениям, отчужденность и плохая социальная приспособляемость.

2. Относительное число лиц, имеющих типичные особенности преступника, зависит от вида совершенного преступления. Максимальное число лиц с типичными психологическими особенностями отмечается среди тех, кто совершает грабеж или разбойное нападение (44,4 %), изнасилование (41 %); минимальное – среди тех, кто совершает кражи (25 %) и хищения имущества (22 %). Лица, совершившие убийства и нанесшие тяжкие телесные повреждения, занимают промежуточное положение (36 %). Однако независимо от вида совершенного преступления количество преступников, имеющих типичные психологические особенности, значительно превышает относительное число подобных типов личности среди законопослушных граждан (5 %).

3. Обнаруженная связь между психологическими особенностями и преступной деятельностью позволяет рассматривать первые как один из потенциальных факторов преступного поведения, который при определенных воздействиях среды может становиться реально действующим, причем среда может оказывать как усиливающее, так и тормозящее влияние на проявление этого фактора.

4. С учетом приведенных данных о нравственных и психологических чертах преступников личность преступника отличается от личности законопослушного негативным содержанием ценностно-нормативной системы и устойчивыми психологическими особенностями, сочетание которых имеет криминогенное значение и специфично именно для преступников. Эта специфика их нравственно-психологического облика является одним из факторов совершения ими преступлений, что отнюдь не является психологизацией причин преступности, поскольку нравственные особенности складываются под влиянием тех социальных отношений, в которые был включен индивид, т. е. имеют социальное происхождение.

Психологические особенности личности преступников, в том числе те, которые были выявлены нами с помощью ММИЛ, можно рассматривать как предрасположенность к совершению преступления, т. е. как свойства индивида, понижающие криминогенный порог. Однако реализация этой предрасположенности зависит от многих других факторов.

§ 4. Нравственные проблемы

Если суммировать все способы совершения преступлений, которые предусмотрены в современном уголовном законодательстве, то мы насчитаем их не так уж много. Наиболее распространенные из них:

- насилие над личностью;
- незаконное завладение имуществом;
- обман, в том числе подлог;
- незаконное использование служебного положения;
- нарушения различных технических и иных правил.

Пожалуй, только последняя категория может не вызывать морального порицания (да и тут часто есть основания для упрека, например, в расхлябанности, безответственности). Что касается остальных категорий, то все они совпадают с отрицательными моральными качествами – агрессией, злобностью, корыстолюбием, завистью, предательством, беспринципностью и др.¹²

С другой стороны, позитивные моральные установки служат барьером против проявления преступных намерений. Разумеется, есть и такие люди, которых сдерживает не мораль, а только угроза наказания; они в общем и не против того, чтобы обойти закон, но, как Остап Бендер, «чтут Уголовный кодекс» и пытаются достичь своих целей в его рамках.

В 1995 г. из каждых 10 тыс. молодых людей в возрасте 14–17 лет совершили преступления 238 человек против 166 человек в 1985 г. Темп прироста показателей преступности этой группы населения опережал темпы прироста населения в 3,5 раза.¹³ В 1996 г. на учете в органах внутренних дел России состояли 151 838 подростков, входящих в состав 28 205 противоправных группировок.¹⁴ В 2002 г. каждый девятый преступник являлся несовершеннолетним.

В опросе разных возрастных групп населения (всего 1600 человек), произведенном ВЦИОМ еще в 1998 г., был задан такой вопрос: «Согласны ли вы с утверждением, что при столкновении закона и здравого смысла надо исходить из здравого смысла?» Ответы приведены в *табл. 4* (в процентах по отношению ко всем опрошенным в соответствующей возрастной группе).

Таблица 4

Соотношение права и морали

Возраст, лет	Согласен, %	Не согласен, %	Затрудняюсь ответить, %
18–24	68	20	12
25–39	59	30	11
40–54	62	28	10
55 и старше	51	30	19

¹² Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного общества. М., 2002.

¹³ Хохряков Г. Ф. Криминология. М., 1999. С. 267.

¹⁴ Там же. С. 272.

В этой таблице бросается в глаза понижение правового сознания в более молодых возрастных группах. Да и у представителей старших возрастов свыше половины считают здравый смысл более важным критерием правильности (и моральности) поведения, чем закон. Это свидетельствует о сохранении давней российской традиции противопоставления закона и справедливости.

Сходные выводы были получены и при опросе, проведенном в конце 2002 г. среди молодых студентов московских вузов, где также была сделана попытка увязать их моральные суждения с отношением к требованиям и запретам права.

Опрос астраханской молодежи (1998) показал, что 43 % из них настроены на соблюдение закона при любых обстоятельствах (даже если он «несправедлив» или «устарел»). Но 50 % полагают, что выполнять правовые предписания следует в зависимости от обстоятельств.¹⁵

Каковы эти обстоятельства? Как показывает поведение реальных людей (молодежи и лиц более старшего возраста), это, во-первых, затруднительное материальное положение и, во-вторых, общественные нравы, снисходительно оценивающие некоторые отступления от закона (т. е. господствующее правосознание, терпимо относящееся к не очень значительным правонарушениям).

Обратимся к художественной литературе, рисующей некоторые обобщенные образы современных людей.

Так, в одном из рассказов В. Исхаков повествует о жизни профессора, проректора гуманитарного университета: «Его благосостояние настолько явно обеспечено упорным и плодотворным трудом, что даже завистники не упорствуют, обвиняя его в использовании служебного положения: берет, мол, взятки за устройство отпрысков в ВУЗ... А с другой стороны, где кончается взятка и начинается простая человеческая благодарность? Что-то, конечно, было, дыма без огня не бывает, но в меру; не столько ради корысти, сколько, возможно, чтобы самому ощутить свой вес в обществе: ведь скучно, согласитесь, располагая некоторыми возможностями, совсем ими не воспользоваться. Это уже нездоровый аскетизм какой-то, монашество. Вот именно: аскетизм!»¹⁶

Здесь – лишь подозрение относительно отступления героя рассказа от моральных и правовых принципов. Но такого рода подозрение имеет, надо полагать, достаточно серьезные основания.

А вот уже не художественный вымысел, а откровенное свидетельство реального лица, полученное социологами при опросе населения. В данном случае рассказывает врач-анестезиолог из Костромы: «Благодарность примет практически любой, а взятки берут не все. Взяточники в институте, в принципе, всем известны. Скажем, экзамен принимают пять преподавателей. Из них, как правило, один или два – это люди старой закалки, которые будут ходить в рваных штанах, но денег у тебя не возьмут. Таким наплевать, чей ты сын, они все равно поставят тебе тот балл, которого ты заслуживаешь... Простой студент, конечно, такому деньги не понесет, а передаст их кому-то, про кого известно, что тот равнодушен к деньгам».¹⁷

Во многих случаях подобные действия, явно перерастающие в преступление, стимулируются несовершенным законодательством. Другой автор пишет: «У меня есть хороший знакомый, технарь, который начал собирать компьютеры, когда о них мало кто слышал. Он решил заняться бизнесом, продал квартиру, за что его все осуждали, вложил все деньги в торговлю радиоэлектроникой. На первый раз, как многие технари, сделал все по закону, и

¹⁵ Рубан А. С. Указ. соч. С. 81.

¹⁶ Исхаков В. Другая жизнь – другая история. Рассказ // Знамя. 2000. № 12. С. 88.

¹⁷ Клямкин И., Тимофеев А. Указ. соч. С. 180.

когда пришел в налоговую, ему там сказали: “Вы что, с ума сошли? Вы же разоритесь”. Тогда он ушел и быстренько все переписал на свою жену. Теперь он преуспевающий бизнесмен».¹⁸

Несомненно, что моральные установки этого честного ранее человека были основательно расшатаны полученным советом. Трудно сказать, возникли ли у него суждения, которые можно квалифицировать как негативную автономную мораль (типа государство не обеднеет»), но что он близко подошел к преступной дорожке или уже встал на нее – это бесспорно.

О тесной связи аморализма, свойственного кризисному обществу, с ростом преступности написано немало художественных и публицистических произведений. Явления эти характерны не только для нашей страны. Выдающийся польский писатель Станислав Лем говорит в интервью корреспонденту газеты следующее: «Нельзя принудить людей быть моральными. Вот в Польше, с одной стороны, все католики. С другой – есть огромное число бродяг, нищих. Люди крадут, совершают преступления. У нас уже и мафия есть, почти как в США. А полиция ничего не может сделать, не имеет никакого авторитета. У церкви вроде бы авторитет есть, она всех призывает руководствоваться христианскими ценностями, но главная ценность сегодня – это деньги, в том числе и для церкви... Мы еще не дозрели до демократии. Делая скачок из социализма в капитализм, можно ведь голову сломать».¹⁹

Обзор этих высказываний и наблюдений, равно как и ответов опрошенных студентов, позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, ни один из опрошенных студентов не поставил под сомнение общественную опасность и нравственную недопустимость преступлений против государственной власти, общественной безопасности и общественного порядка, а также против мира и безопасности человечества. Видимо, сохранились традиционные государственно-патриотические установки, хотя они непосредственно не фигурировали в системе моральных представлений. Сохранилось и традиционно негативное отношение к преступлениям против личности.

Во-вторых, изменение общественного строя в России привело к смягчению оценок преступлений, вызванных нуждой значительной части населения, а также к либеральному отношению к преступлениям в сфере коммерции. Большинство опрошенных не ставит знака равенства между моралью и требованиями закона, считая, что его нарушения могут быть морально нейтральны или даже оправданы. И здесь важное значение придается мотивам поступка и сложившейся обстановке (что, кстати говоря, учитывается уголовным законом).

В-третьих, и это главный вывод, правовая норма (соблюдаемая или нарушаемая) оказывается все же недостаточным (или во всяком случае не главным) критерием для оценки человека по принципу «хороший – плохой». Хотя сам по себе факт совершения преступления не приветствуется никем, но обстоятельства, в которых оно было совершено, часто признаются более важными, чем один этот упомянутый факт. Отсюда вытекает, что для индивидуальной (и отчасти, общественной) оценки человека и его поступков должны быть найдены и другие, дополнительные основания, чем только его отношение к обычаю, традиции или нормам права.

На вопрос «Смогли бы вы за высокую плату совершить преступление?», 42,7 % неработающих и неучащихся подростков ответили утвердительно; среди работающих этот ответ составил 12,1 % (данные 1989–1990 гг.).²⁰

Сотрудница Института социологии РАН кандидат философских наук И. Ф. Дементьева провела в 2000 г. опрос 760 старшеклассников в Московской области. Среди разных резуль-

¹⁸ Там же. С. 182.

¹⁹ Лем С. Нельзя принудить людей быть моральными // Известия. 2001. 12 сент. С. 8.

²⁰ Забрянский Г. Н. 1) Криминологические проблемы села. Ростов н/Д, 1990. С. 87; 2) Социология преступности несовершеннолетних. Минск, 1997. С. 10 и далее.

татов обработки анкеты привлекают внимание следующие: 9 % старшеклассников уклонились от ответа об источниках получения карманных денег; 6 % родителей не знали о хулиганских поступках своих детей; 20 % старшеклассников участвовали в драках со сверстниками в школах; 24 % участвовали в драках со сверстниками на улице; 5 % участвовали в драках с посторонними взрослыми людьми; 16 % старшеклассников пробовали наркотики хотя бы один раз.

Разумеется, при определении эталонов морального поведения обо всех подобных действиях опрошенные не говорили ни слова.

Неустойчивость нравственных оценок, несовпадение слов и поступков молодежи были выявлены и другими авторами. Так, недавний опрос старшеклассников в Астрахани и Астраханской области указал на порицание многими старшеклассниками следующих форм поведения: употребление алкоголя (50 %), курение табака (37 %), употребление наркотиков (81 %). Вместе с тем опрошенные заявили, что сами употребляли алкоголь (69 %), курили (43 %) и принимали наркотики (1 %).²¹ Трудно судить, объясняется ли их негативное отношение к «зелью» собственным опытом или же мы опять имеем дело с расхождением слов и поступков – ответов на анкету и реального поведения в жизни. Склоняемся к последнему объяснению.

Расхождение между моральными оценками, отношением к праву и реальным поведением, надежда на «здравый смысл», сокрытие неблагоприятных поступков – все это свидетельствует о «двойной морали» у современной молодежи, а точнее – о нравственной аномии переходного общества.

Весьма развернутые и глубокие соображения по этому поводу высказал известный социолог Ю. А. Левада. По его мнению, в переходный период сложилось несколько характерных типов людей: а) открывшие для себя новые возможности; б) считающие, что для них ничего особенного не изменилось; в) неприспособляемые, вынужденные предельно снижать уровень своих запросов.²² Особое его внимание привлек сравнительно новый тип личности – «человек лукавый», который «приспосабливается к социальной среде, ища допуски и лазейки в ее нормативной системе, т. е. способы использовать в собственных интересах существующие в ней “правила игры”, и в то же время – что не менее важно – постоянно пытаюсь в какой-то мере обойти эти правила. Это вынуждает его постоянно оправдывать свое поведение то ли ссылками на необходимость самосохранения, на пример “других”, то ли апелляциями к нормативным системам иного ранга (“высшие интересы” и т. п.)». ²³ «Человек лукавый», к сожалению, – это не только «умудренные жизнью» люди, но даже в большей степени «зеленая молодежь».

Похожие типы нашли многочисленные отображения в современной художественной литературе. Например, один из героев Д. Быкова – некто Рогов, историк по специальности, «вообще стал тяготиться людьми». «Люди, окружавшие его, не выдерживали даже самой снисходительной пробы: настали времена попустительства, слабость возвели в принцип... Слово ничего не значило, клятва ничего не весила, понятие долга на глазах упразднялось, и больше всего это было похоже на загнивание тела, отвергшего душу за ее обременительностью».²⁴

Приводимые Левадой данные опросов населения подтверждают подобные наблюдения. Например, многие считают вполне допустимым уклоняться от службы в армии (в целом 23 %, а среди молодежи в возрасте до 24 лет – 35 %); не платить налоги – 14 % (у молодежи –

²¹ Рубан А. С. Указ. соч. С. 81.

²² Левада Ю. П. Homo Post-Soveticus // Общественные науки и современность. 2000. № 6. С. 10.

²³ Там же. С. 16.

²⁴ Быков А. Оправдание: Роман // Новый мир. 2001. № 3. С. 44.

24 %); «выносить» что-либо с предприятия, т. е. попросту красть – 8 % (у молодежи – 15 %). При сравнении данных 1989 и 1999 гг. выяснилось, что «лукавства в поведении людей за последние 10 лет стало больше».²⁵ Об этом часто упоминает и публицистика. Так, одна из читателей газеты «Известия», высказывая мысль о распаде моральных ценностей, писала: «Абсолютного деления на моральное и аморальное не существует. Сейчас стираются даже приблизительные границы. И дело тут, на мой взгляд, в существовании так называемого двойного стандарта... Практически в каждом из нас сидит и ханжа, и либертарианец – так нас приучили вначале в школе, далее везде, а так по велению сердца. Вроде ничего плохого в этом нет, – заключает автор, – ничего противоестественного нет точно, но лучше держать это при себе».²⁶

Но далеко не все «держат при себе» свои лукавые, а по сути дела, нравственно упречные взгляды. Так, герой романа А. Волоса, некто Сергей, профессионально занимающийся продажей квартир, откровенничает: «Я всегда честно придерживаюсь договоренностей. Кроме того, объект был такого свойства, что срубить на нем хоть сколько-нибудь левых денег не представлялось возможным. Короче говоря, я был совершенно честен. Однако в нашем деле честность – это что-то вроде спирта. В том смысле, что спирт в обыденной жизни всегда содержит сколько-то воды. Даже неразведенный, он не бывает стопроцентным – только девяносто шесть».²⁷

А вот и некое «резюме» того же героя: «Должна быть от честности хоть какая-нибудь польза? Или как? Честный, честный, честный – а в конце концов за это ни копейки денег».²⁸

Понятно, что и этот человек – «на подходе» к правонарушению. Ясно и то, что подобное поведение может в конце концов обернуться вовлечением в серьезную преступную деятельность. Особенно «прост» переход в сферу организованной преступности, где на поверхности, казалось бы, царит обычный бизнес, может быть, не очень законный, а в глубине идет жестокая и беспощадная борьба за деньги и за власть. И с этим неизбежно рано или поздно столкнется «человек лукавый», связавший себя с преступной средой.

Подведем некоторые итоги сказанному в этой главе.

Бросается в глаза противоречивость нравственного сознания людей переходного периода, в особенности молодежи. При этом можно наблюдать несколько тенденций.

Во-первых, сохранение эталонов (образцов) морального поведения, в значительной степени присущих и прежним поколениям.

Во-вторых, фактическое отступление от этих эталонов при соприкосновении с жизненными трудностями и коллизиями.

В-третьих, попытки части политических деятелей и «деловых людей» в новых, капиталистических условиях выработать нормы морального поведения, которых не было в советском обществе.

В-четвертых, одновременно – отрицание какой-либо морали в рыночной экономической среде; оправдание противоправного и преступного поведения, если оно приносит выгоду.

В-пятых, неопределенность «автономной морали» в большинстве случаев сознательно скрываемой от окружающих («человек лукавый»).

Все это свидетельствует о моральной аномии, связанной с пренебрежением правовыми нормами и требованиями и соответственно способствует росту преступности.

²⁵ Там же. С. 20.

²⁶ Известия. 2001. 3 марта. № 39. С. 6.

²⁷ Волос А. Недвижимость: Роман // Новый мир. 2001 № 2. С. 54, 68. ²⁹ См., например, очерки В. А. Гиляровского, прекрасно описавшего быта

²⁸ Там же. С. 68. «дна» московского общества конца XIX в.

Рассмотрим теперь характеристику нравственных представлений в самой преступной среде – преступной субкультуре.

Как всякое социальное явление, преступность имеет не только внешнее (объективное) выражение, но и внутреннее (субъективное) содержание. Поэтому представление о ней будет неполным, если не остановиться более подробно на внутренней характеристике, т. е. на тех нравах, которые господствуют в преступной среде. Эти нравы, с одной стороны, «идеологически» поддерживают ее существование, а с другой – как уже сказано, оказывают разлагающее влияние на неустойчивые социальные слои и группы только образующегося у нас гражданского общества.

Нравы преступной среды – это и есть ее субкультура, которая, в широком смысле слова, является, к сожалению, частью общей культуры населения. В России она не изучалась более или менее систематически; отрывочные наблюдения публицистов и ученых XIX – начала XX в. относятся в основном к некоторым городам или отдельным группам преступников.²⁹

Пожалуй, наибольший интерес в этом плане представляет книга В. Чалидзе, описавшего следующие атрибуты субкультуры воровского мира 1920-1930-х гг. в СССР: экзотичность поведения и замкнутость в своей среде; относительное равноправие его участников и круговая порука; избрание главаря всеми членами воровского сообщества; невозможность добровольного выхода из сообщества; решение наиболее важных вопросов на общих сходках; раздел территории между конкурирующими группами; запрет какого бы то ни было сотрудничества с государственной властью; татуировки; использование воровского жаргона и др.

Автор мало пишет о нравственных представлениях изучавшегося им слоя, тем не менее он отмечает большие различия представлений преступников о допустимом и недопустимом поведении в «своей» среде и по отношению к «чужим». «Люди редкостной честности в отношениях друг с другом, воры обычно оказываются совершенно не заслуживающими доверия в их отношениях с фрайерами, людьми общества; они могут в этом случае... являть в своем поведении редкостное вероломство».³⁰ Судя по многим наблюдениям, воры безразличны к детям и часто помыкают женами или любовницами, иногда даже передавая их друг другу. По мнению Чалидзе, им совершенно чуждо чувство патриотизма, который ассоциируется у них с верховенством ненавидимого ими государства. Не признавая чужую собственность, они и сами, как правило, не склонны к накопительству; «как бы ни была успешна покража... в одну ночь она может быть пропита в компании друзей – воров и женщин, проиграна в карты или отдана на нужды товарищей».³¹

Воровские нравы, характерные для более позднего периода, довольно подробно изучал И. И. Карпец. Он отмечал «пренебрежение к моральным и иным ценностям, несдержанность в поведении, в отношениях друг к другу, к людям вообще». Постоянное вращение в воровских кругах приводит «к стойкому стереотипу человека, пренебрегающего элементарными культурными и этическими взглядами и запросами, способного поступать лишь с узкоэгоистических позиций». В ответ на замечания следуют либо угрозы физической расправы (почти единственное, что хорошо понятно подобным образом сформировавшейся личности), либо сама расправа.

«Мораль» преступного мира образуется системой весьма жестких правил. Санкции здесь обычно суровые и жестокие (выкуп, побои, членовредительство, убийство) и основаны соответственно на физическом (вооруженном) насилии. Нормы и правила, как и авторитет главаря, пронизаны и подкреплены специфическими моральными «максимами», которые

²⁹ См., например, очерки В. А. Гиляровского, прекрасно описавшего обычаи «дна» московского общества конца XIX в.

³⁰ Чалидзе В. Уголовная Россия. М., 1990. С. 75.

³¹ Там же. С. 82.

именуются достаточно привлекательно: «долг», «справедливость», «честность», «уважение старших», «смелость», но на деле имеют однобокий и извращенный смысл. К этому следует добавить «идейную» обработку сознания членов группы старшими и более опытными преступниками, внушающими молодым принципы аморальности труда, «благородства» и «чести» «легендарных» преступников прошлых лет и т. п.³²

Как видим, в данном случае из права, морали и религии берется самое сильное и эффективное: неминувимость кары, «внутренний голос» совести и слепая вера. Нетрудно заметить, что и по содержанию, и по форме подобная система регулирования тяготеет к исторически наиболее примитивным системам: первобытнообщинной, рабовладельческой, раннего феодализма. Это не удивительно: ведь грубые, варварские формы противопоставления себя обществу, живущему по цивилизованным законам, отчетливо проявляются в низших с исторической точки зрения формах властвования и регулирования поведения людей.

Касаясь особенностей поведения преступников-рецидивистов, И. И. Карпец пишет, что «на свободе – это циничные, очень наступательно настроенные личности, готовые пойти на любой поступок, если он принесет им выгоду... Рецидивист может пожертвовать своим товарищем, чтобы уцелеть самому, пойти даже на убийство ради сохранения своей выгоды».³³

Из этих и других наблюдений вырисовываются признаки глубокого эгоиста, замкнутого в своей среде и подчиняющегося только «воровскому закону»; человека с резко выраженной «двойной моралью».

Преступная субкультура конца XX – начала XXI в., конечно, стала несколько иной. На ней сказались два существенных обстоятельства: 1) вытеснение прежних «воров в законе» и присущих им взглядов и традиций новым поколением преступников, которые не изолируются от социальной среды, но, напротив, глубоко в нее проникают и паразитируют на социальных институтах; 2) сближение преступной субкультуры с нравами современного кризисного общества, где в силу «железного закона капитализма» идет война «всех против всех». Нетрудно понять, что оба эти изменения порождены одним и тем же процессом – нецивилизованной, грубой, неумелой капитализацией страны.

Особенно опасно внедрение преступных или околопреступных навыков и традиций в круги молодежи.

«Проникновение преступной идеологии в молодежную среду подтверждает то обстоятельство, что в сознании некоторой части подростков и молодежи укрепляется мнение о том, что быть судимым, носить знаки принадлежности к преступному миру – чуть ли не признак высочайшей доблести... Такое мнение преобладает среди 13-14-17-летних подростков, студентов вузов и особенно техникумов, детей из семей рабочих и госслужащих; 10,4 % опрошенных полагают, что этот факт дает право на особое положение “сильного” в обществе». Вместе с тем «такой факт биографии, как судимость, 12,7 % респондентов считают позорным фактом»³⁴.

Субкультуры разных категорий преступников и преобладающих в их среде нравов не вполне идентичны. Различия в той или иной степени проанализированы в ряде работ последнего времени. Взгляды, интересы, жизненные привычки различаются у лиц, совершивших преступления корыстные и насильственные, у преступников-профессионалов и у тех, кто вступил на преступный путь впервые; у взрослых и несовершеннолетних и т. д. Но есть и ряд общих черт, позволяющих говорить о преступной субкультуре в обобщенном виде.

³² Карпец И. И. Наказание: Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. С. 20 и сл.

³³ Там же.

³⁴ Татицина Г. Г. Организованная преступность и молодежь // Социологические исследования. 2000. № 1. С. 56–57.

Касаясь психологии корыстных преступников конца XX в., А. И. Долгова подчеркивает, что это, как правило, не прежние одиночки, а сплоченные группы. В системе ценностных ориентаций главное место у них занимают индивидуально- либо клановоэгоистические интересы. Превыше всего – материальное благополучие, неограниченные проявления своего «Я». При этом приоритет отдается нужным связям, любым средствам достижения целей по формулам: «Хочешь жить – умей вертеться», «Сам что-то не урвешь – о тебе не позаботятся» и т. п.³⁵

Взгляды рецидивистов, особенно тех, кто долго находился в заключении, бывают часто настолько искажены, что они даже не осознают степень отличия этих взглядов от общепринятых. Им представляются вполне естественными такие суждения, отраженные, например, в татуировках: «не скорбящий ни о чем, кроме своего тела и пайки хлеба» или: «сила, месть, беспощадность»; «чти закон воров»; «человек человеку волк» и т. п.³⁶

Определенными особенностями отличаются лица, совершающие экономические и коррупционные преступления. Это более образованные субъекты, хорошо знающие экономику, государственную службу. Но мораль, система ценностей и правосудия у них мало отличаются от морали других категорий корыстных преступников. Они готовы в любой момент принести и закон, и нормы нравственности в жертву материальной выгоде. Характерные черты – жадность, зависть, беспринципность.

В системе организованной экономической преступности выделяются так называемые авторитеты, постепенно заменяющие прежних «воров в законе». Это уже «не татуированный зэк с почерневшими от чифиря зубами; он чисто выбрит, одет по последней моде, в его обслуге не только “шестерки”, но и телохранители. В повседневном обиходе у лидера несколько приватизированных квартир, дачи, автомашины престижных марок».³⁷ При этом его криминальный профессионализм принимает многоплановый, разносторонний характер: такой делец готов активно включиться и в легальную экономическую деятельность, и в избирательную гонку, и «заказать» убийство конкурента, и вовремя скрыться за рубежом.

Преступная субкультура сегодняшнего дня связана с широким распространением наркотиков. Однако надо отметить важный факт: если среди преступников-профессионалов наркотиками злоупотребляют единицы (так как пристрастие к «зелью» рано или поздно подорвет «профессиональные навыки»), то именно в социально благополучной среде под влиянием преступного мира эта пагубная привычка приобретает массовый характер. Вот выдержка из интервью одного из поставщиков наркотиков: «Сейчас очень благоприятная обстановка для продажи “дряни”. Вот раньше на “траве” всякие хиппи сидели... а какие у них деньги... А сейчас много элитной публики развелось, к дорогим потянулись. Смотри – ночные клубы как грибы растут... Это очень удобные места для продажи наркотиков».³⁸ Так преступная субкультура исподволь проникает в общую культуру населения и разрушает ее, навязывая свои образцы поведения.

Этот тезис в полной мере может быть обращен и к субкультуре насильственной преступности.

Все чаще межличностные конфликты стали решаться насильственным путем. В каждом пятом преступлении против личности проявлялось стремление к самоутверждению, к поддержанию своего «Я», хотя бы путем насилия над другими. По мнению авторов этих наблюдений, «человек, ощущая действительное или мнимое безразличие общества к своим проблемам, свою незащищенность, формирует готовность отстаивать свои интересы любым

³⁵ Криминология / Под ред. А. И. Долговой. С. 292.

³⁶ Там же. С. 205–206.

³⁷ Там же. С. 624.

³⁸ Хохряков Г. Ф. Криминология. М., 1999. С. 292.

путем».³⁹ Преступная субкультура и здесь явно соприкасается с нравами худшей части обычного общества.

Субкультура и психология насильственных преступников наиболее полно проявляется в тех сферах жизни и при тех обстоятельствах, где возникающие проблемы решаются главным образом силовыми методами. Это прежде всего войны, в том числе гражданские; межнациональные и социальные конфликты; насилие над личностью со стороны государства, незащищенность гражданина законом; жизнь в закрытых и полужакрытых учреждениях (армия, тюрьма, приюты, интернаты и т. д.); наконец, неблагополучная семья.

Представители субкультуры насилия практически в любой ситуации ведут себя агрессивно, стремясь подчинить себе окружающих преимущественно путем грубого физического воздействия. Подобные лица чрезвычайно чувствительны к касающимся их ситуациям, «подозрительны, у них затруднена правильная оценка событий, которая легко меняется под влиянием аффективных переживаний... Любые затруднения рассматриваются ими как результат враждебных действий со стороны других людей, которых обычно и обвиняют в своих неудачах».⁴⁰

На первое место выступают полное пренебрежение личностью и насилие как способ решения любых проблем. Статистика свидетельствует о том, что каждое третье умышленное убийство было связано с желанием преступника как можно более унижить свою жертву, с издевательством над потерпевшим.

Как уже указывалось, преступникам, совершающим убийства, особенно присущи импульсивность, ригидность, застреванность аффективных переживаний, подозрительность, злопамятность, повышенная чувствительность в межличностных отношениях. Эти данные можно интерпретировать как длительное разрушение отношений со средой, которая начинает выступать в качестве враждебной, разрушительной силы, несущей угрозу для данного человека.⁴¹ Если у них сохранилась семья, то и в ней подобные лица чувствуют себя чужими, создавая невыносимую обстановку постоянных ссор и конфликтов.

Враждебность и агрессивность как стереотипы поведения характерны также для грабителей и разбойников. Они тоже отчуждены от «большого общества» и его ценностей. Но насилие в отношении потерпевших у них сочетается с корыстными мотивами; оно является не самоцелью, а имеет «инструментальный» характер.

В 1990-е гг. с достаточной полнотой были проанализированы субкультура и психология лиц, склонных к сексуальным преступлениям. Очень многие черты объединяют их с другими категориями насильственных преступников, упомянутых выше. Стереотипы их поведения тоже сводятся к физическому насилию и доминированию над другими людьми, в данном случае – над женщинами. Собственные желания и чувства рассматриваются как подлежащие безусловному удовлетворению. Для них характерны полное неуважение к женщинам, примитивизм и цинизм во взглядах на половые отношения, разнузданность, не признающая никаких преград на пути к удовлетворению полового влечения; ее некоторые из насильников даже расценивают как элемент «ультрасовременности».⁴²

К сожалению, речь идет не только об одиночках, но и о группах молодых людей с такой субкультурой. В них участвуют и девочки, вступающие в половые связи уже с 12–13 лет. В нормы поведения таких групп входит грубое принуждение несовершеннолетних девочек к половым актам, причем в случаях отказа последние рискуют быть избитыми и стать объектами издевательств. В этих группах есть и так называемые общие девочки – забитые,

³⁹ Криминология / Под ред. А. И. Долговой. С. 452 (Авторы главы: Ю. Н. Аргунова и Е. М. Юцкова).

⁴⁰ Антонян Ю. М. Жестокость в нашей жизни. М., 1995. С. 201.

⁴¹ Антонян Ю. М. Психология убийства. М., 1997. С. 223.

⁴² Антонян Ю. М., Ткаченко А. А. Сексуальные преступления. М., 1993. С. 156.

униженные, презируемые подростки, переходящие из рук в руки, иногда в течение одного вечера. При этом их согласия, естественно, никто не спрашивает.⁴³

На сексуальной почве, как известно, нередко совершаются серийные убийства; многие из этих преступников страдают психическими заболеваниями.⁴⁴

Особые элементы преступной субкультуры наблюдаются среди женщин-преступниц. Эта категория, конечно, неоднородна; разнообразны и совершаемые преступления. Вместе с тем можно отметить следующие отличия от поведения преступников-мужчин. Женщины гораздо более импульсивны и эмоциональны: психологические травмы, связанные с производственными или семейными конфликтами, разводами, неустроенностью личной жизни, могут носить у них затяжной и глубокий характер. Они чаще оценивают жизненные ситуации как угрожающие и даже критические для них и их близких. Поэтому противоправные действия нередко носят защитный характер и имеют целью оградить себя или свою семью.

Несколько иными особенностями отличаются нравы тех женщин, кто стал на путь проституции. Исходная ситуация обычно та же самая – жизненная неустроенность. Но выход из нее они находят не в труде и не в замужестве и даже не в преступлениях, например совершении краж или вступлении в преступное сообщество, а в продаже самих себя. Недостижимость желаемого образа жизни «порождает у некоторых ощущение того, что они находятся за бортом настоящей жизни, в лучшем случае – на ее обочине», а это ведет на панель. Общее для проституток – полное отсутствие духовных запросов, да и интеллектуальной жизни вообще. Психологическое тестирование некоторых из них выявило такие черты личности, как жадность, черствость, грубость, цинизм, чрезмерная озабоченность материальными проблемами и общая незрелость. «Неуверенность в себе компенсируется эгоцентризмом и агрессивностью, которые, в сущности, выполняют защитительные функции».⁴⁵

Наиболее опустившаяся часть преступной среды – наркоманы, алкоголики, лица без определенных занятий и места жительства. Не занимаясь никаким трудом и не имея постоянных средств к существованию, эти люди от случая к случаю совершают кражи, нападают на прохожих с целью даже мелкого ограбления, пытаются шантажировать уличных торговцев, попрошайничают и оказывают небольшие услуги преступным группам. Дезадаптация и отчуждение подобных лиц стремительно прогрессируют при наступлении таких поводов, как распад семьи, уход от родителей, переезд на жительство в другой регион, перемена длительного рода занятий (например, увольнение из армии), а также освобождение из мест лишения свободы. Иными словами, их «скатывание» имеет место тогда, когда значительно ослабляется или вообще перестает действовать привычный, но достаточно жесткий социальный контроль. Здесь наблюдается внешне противоречивая картина: многие из них стремятся избавиться от такого контроля, но, обретая «свободу», в силу своей общей неприспособленности к жизни, весьма слабых адаптационных возможностей быстро деградируют... Некоторые из них осознают это, но не находят в себе сил изменить ставший привычным образ жизни.⁴⁶

Эти наблюдения, относящиеся к концу 1980-х гг., в полной мере отвечают и сегодняшней ситуации. Характерными чертами субкультуры «дна» общественной жизни являются инертность; безразличие и к себе, и к другим людям; способность из-за незначительной выгоды пойти на любые преступления, а также неверность своему слову, постоянное невыполнение своих обязательств даже перед сотоварищами; готовность бросить или «сдать» их,

⁴³ Там же. С. 139.

⁴⁴ Подробнее см.: Антонян Ю. М., Верещагин Б. А., Потапов С. А., Шостакович Б. В. Серийные сексуальные убийства. М., 1997. С. 45.

⁴⁵ Антонян Ю. М. Преступность среди женщин. М., 1992. С. 202.

⁴⁶ Антонян Ю. М. Психологические отчуждение личности и преступное поведение. М., 1987. С. 118.

как только меняется ситуация. «Бедность ролевой структуры, освобождение от обязанностей и связанных с ними функций приводит к сужению личностных свойств, оскудению духовного мира».⁴⁷ Основной сферой повседневного общения таких личностей являются неформальные малые группы, состоящие из таких же алкоголиков, наркоманов, проституток и лиц без определенных занятий.

В настоящее время наиболее значимыми носителями преступной субкультуры являются представители профессионального корыстного криминалитета, составляющего большую часть преступной среды. «Проникновение отдельных элементов преступной субкультуры в сознание и поведение законопослушных граждан, их тиражирование в рамках социальных институтов гражданского общества, политики и т. п. свидетельствуют об изменении культурных установок самого социума... Это тревожный показатель, отражающий в целом формирование “смягченной” позиции общества в отношении преступного мира».⁴⁸

Краткий обзор субкультуры преступного мира можно завершить оценками отношения этих лиц к праву и его предписаниям. Как отмечали советские авторы еще в 1980-е гг., у правонарушителей в отличие от законопослушных граждан в качестве стимулов воздержания от совершения преступления «выступают преимущественно внешние детерминанты, система правового контроля, а не факторы внутренней регуляции, которая служит наиболее надежной основой правомерного поведения».⁴⁹ Иначе говоря, если что и сдерживает представителей преступной среды от совершения конкретного преступления в данный момент – это только боязнь разоблачения и наказания, а отнюдь не правовые или моральные предписания. Эта констатация верна и сегодня с той лишь разницей, что преступники кризисного общества еще меньше стали опасаться активности правоохранительных органов в силу достаточно известных причин: низкая раскрываемость преступлений, коррупция в правовой системе, слабая профессиональная подготовка сотрудников МВД, следователей и прокуроров и, как следствие, безнаказанность даже самых громких преступлений, совершенных в последние годы. Полное пренебрежение к праву породило даже такую формулу, как «жить по понятиям».

«“Понятия” и “воровской закон”, – пишут современные исследователи, – это набор вполне определенных правил, противостоящих “беспределу” и структурирующих общественное бытие. В конечном счете “воровской закон” – это биологическая справедливость, кодифицированный социальный дарвинизм в действии, эффективно регламентирующий права хищника и жертвы, слабого и сильного, при безусловном признании права силы. При этом права “слабых” ничтожны, но не равны нулю, а права “сильных” огромны и общеизвестны. В стране, откровенно и последовательно живущей “по понятиям”... вообще не возникает необходимости заниматься экономикой и политикой. Патерналистские инстинкты, психологические стереотипы массовой безответственности, социальная пассивность, укорененность “понятий” как общепризнанного инструмента урегулирования противоречий – все это создает объективную основу для того, чтобы словосочетание “криминальный режим” превратилось из ругательства в констатацию».⁵⁰ Как видно из сказанного, преступная субкультура – не экзотический элемент современных нравов, а опасное социально-психологическое явление, способное самым отрицательным образом воздействовать на многие стороны общественной жизни.

Вывод представляется очевидным: кризисное общество органически связано с ростом преступности и распространением преступной субкультуры: оно понижает уровень жизни

⁴⁷ Там же. С. 107–108.

⁴⁸ Тайбаков А. А. Преступная субкультура // Социологические исследования. 2001. № 3. С. 91.

⁴⁹ Рапинов А. Р., Ефремова Г. Х. Правовая психология и преступное поведение. Красноярск, 1988. С. 102.

⁵⁰ Савелова Н., Юрьев Д. Первое лицо, единственное число // Новый мир. 2000. № 10. С. 129.

значительной части населения, превращая его в резерв преступности; разрушает ранее существовавшие правовые и нравственные представления людей; создает и усиливает обстановку неопределенности, тревоги и бесперспективности. Расшатывая государственные институты, дезориентирует и ослабляет правоохранительную систему; создает условия бесконтрольности, способствующие развитию организованных преступных сообществ.

Всякий общественный процесс представляет собой систему с прямыми и обратными связями. Так обстоит дело и в данном случае. С одной стороны, преступность как объективное явление и преступная субкультура как ее субъективное содержание разлагают наше общество, деформируют его нравы. Но есть и другая сторона дела: а не способствует ли само общество росту этих негативных явлений? Не искаженные ли общественные нравы, не люди ли, теряющие социальную ориентацию и безразличные к будущему страны, создают условия для роста преступности, образуют ее «резерв»? К рассмотрению этих вопросов мы теперь и перейдем.

§ 5. Роль характера

Говоря о характере, мы непосредственно вступаем в сферу личностных свойств и особенностей.

Многими современными психологами «личность понимается как социальное свойство индивида, как совокупность интегрированных в нем социально значимых черт»⁵¹. К этим чертам относится также и характер человека, как манера, стиль, приемы поведения, свойственные данному человеку.

Выдающийся советский психолог С. Л. Рубинштейн считал возможным выделить устойчивые психические свойства личности безотносительно к историческому времени и нации. К ним он относил «восприимчивость и впечатлительность, наблюдательность, вдумчивость, рассудительность, эмоциональную возбудимость и устойчивость, инициативность, решительность, настойчивость и т. п.»⁵². Думается, что ученый удачно выделил именно основные черты характера, не смешивая их ни с моральными нормами поведения, ни с темпераментом и эмоциями, что часто встречается у других исследователей.

Многие психологи конца XX в. тоже избегают этого смешения, однако толкуют понятие характера либо слишком широко, либо, напротив, узко. Так, И. Абрахам полагает, что характер – это «совокупность реакций человека на его социальное окружение».⁵³ Почему только на социальное? Наверное, такие черты, как решительность или неуверенность в себе, восприимчивость или хладнокровие в стрессовых ситуациях, не в меньшей мере могут проявляться и в природной среде. Другое сужение понятия характера имеет место в работе Б. И. Додонова. Правильно определив характер как «систему определенных стереотипов эмоционального, когнитивного и поведенческого реагирования на типичные жизненные ситуации», этот автор пишет далее, что характер «определяет реактивное, а не инициативное первичное поведение личности».⁵⁴ Однако субъект ведь не только реагирует на разные ситуации, но и создает их; часто это можно наблюдать и у преступников. Разве в таких случаях не проявляется их характер?

Следует отметить важность и трудность разработки типологии характеров (и в более общем виде – типологии личности). Для оценки нравов людей любая попытка создания подобной типологии представляет особое значение, так как позволяет установить наличие или отсутствие связи между тем или другим типом характера и преступным поведением.

Одной из удачных попыток в указанном направлении стала работа И. С. Кона. «Постоянство и изменчивость личности».

Опираясь на ряд иностранных и отечественных исследований, он выделяет три группы характеров подростков и взрослых, называя их типами развития личности:

- мальчики, «обладающие упругим самовосстанавливающимся Я... отличаются надежностью, продуктивностью, хорошими способностями, широтой интересов, самообладанием, прямоотой, дружелюбием, интроспективностью, философскими интересами и сравнительной удовлетворенностью собой. Эти свойства они сохранили и в 45 лет, утратив часть бывшего эмоционального темпа и отзывчивости».
- «беспокойные со слабым самоконтролем» мужчины характеризуются импульсивностью и непостоянством. «В подростковом возрасте эти мальчики отличались бунтарством,

⁵¹ Кон И. С. Социология личности. М., 1967. С. 7.

⁵² Рубинштейн С. Л. О личностном подходе // Психология личности в трудах отечественных психологов: Хрестоматия. СПб., 2000. С. 24.

⁵³ Психология и психоанализ характера: Хрестоматия. М., 2000. С. 19.

⁵⁴ Додонов Б. И. О системе «личность» // Психология личности в трудах отечественных психологов. С. 113.

болтливостью, любовью к рискованным поступкам и отступлениям от привычного образа мышления, раздражительностью, негативизмом, агрессивностью, слабыми дисциплиной и самоконтролем. Пониженный самоконтроль, мятежность, склонность драматизировать свои жизненные ситуации, непредсказуемость и экспрессивность характеризуют их и взрослых».

- «ранимые, с избыточным самоконтролем в подростковом возрасте отличались повышенной эмоциональной чувствительностью, «тонкокожестью», интроспективностью и склонностью к рефлексии... После 40 лет они остались такими же ранимыми, склонными уходить от потенциальных фрустраций, испытывать жалость к себе, напряженными и зависимыми». ⁵⁵

Среди женщин высоким постоянством свойств обладают:

- представительницы «воплощенной феминности» – уравновешенные, общительные, теплые, привлекательные, зависимые и доброжелательные;
- «ранимые с пониженным самоконтролем» – импульсивные, зависимые, раздражительные, изменчивые, болтливые, мятежные, склонные драматизировать свою жизнь и исполненные жалости к себе, тревожные;
- «гиперфеминные заторможенные» – эмоционально мягкие, постоянно озабоченные собой, своей внешностью и т. д. ⁵⁶

В связи с классификацией И. С. Кона возникает вопрос: в какой мере характер способен к изменениям? По мнению Дж. Келли, «личность конкретного человека непрерывно принимает новые формы». ⁵⁷ Но, судя по приведенным И. С. Коном данным, к характеру это относится в гораздо меньшей степени, чем, например, к эмоциям, системе ценностных ориентаций и др., хотя нет достаточных оснований отрицать в принципе возможность изменений в характере, особенно с возрастом и приобретением жизненного опыта. Как писал Л. С. Выготский, характер – не неизменный тип, а личность, динамически развивающаяся в процессе адаптации человека к миру и сама формирующаяся в ходе этой адаптации.

Одним из элементов этой структуры является самоконтроль. Исследования И. С. Кона показывают, что сила или слабость самоконтроля – устойчивая черта личности. Это важно, ибо данная черта, если она развита, препятствует вовлечению в преступную деятельность. Такую же положительную роль играют позитивная самооценка личности, ее целеустремленность, жизненная стойкость, а также признание человеком правовых способов разрешения возникающих в жизни конфликтов. ⁵⁸

Выше уже приводились результаты исследований личностных черт преступников в сравнении с психологическим портретом законопослушного населения. Исследование личности велось на трех уровнях: врожденные особенности, имеющие отношение главным образом к темпераменту; устойчивые качества, сформировавшиеся в процессе индивидуального развития и проявляющиеся в виде типичных реакции и поступков; социальная направленность личности.

Исследование позволило сделать вывод о том, что преступники характеризуются выраженными устойчивыми психологическими особенностями, отличающими их от основной массы населения. Главные из этих особенностей относятся к следующим психологическим и характерологическим чертам:

- импульсивность, плохое прогнозирование последствий своих поступков, враждебное отношение к социальным и правовым нормам;

⁵⁵ Кон И. С. Психология личности в трудах отечественных психологов. С. 205–206.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Келли Д. Ж. Теория личности / Пер. с англ. М., 2000. С. 78.

⁵⁸ Шнайдер Г. Криминология / Пер. с нем. М., 1994. С. 321–322.

- ригидность, «застываемость» линии поведения, подозрительность, злопамятность, повышенная чувствительность в межличностных отношениях;

- изолированность, тенденция к соблюдению психологической дистанции между собой и окружающим миром, уход в себя.

Наиболее типичны эти черты для преступников, совершивших грабежи, разбои, изнасилования, убийства, и менее типичны для лиц, совершающих корыстные преступления.

Разумеется, приведенные данные не надо абсолютизировать. Опыт борьбы с преступностью показывает, что у ряда преступников нет ни одной из указанных особенностей характера, а преступление все же совершается. И наоборот, даже при сочетании неблагоприятных свойств личности преступление не является неизбежным. Это свидетельствует, во-первых, о весьма сложных причинных связях между личностью и поведением, которые имеют вероятностный характер; во-вторых, о том, что в механизме поступка может быть деформировано практически любое звено, т. е. имеют значение самые разные личностные черты.

Можно высказать следующий общий тезис: нет такого единого (и единственного) свойства личности, которое вызывало бы преступное поведение и отличало бы лиц, к нему склонных, от тех, кто соблюдает правовые нормы. По существу, аналогичная мысль была выражена А. Р. Ратиновым: «Принципиально различает преступников и неправошаков... не одно какое-то свойство или их сумма, а качественно неповторимое сочетание и особый при этом “удельный вес” каждого, т. е. пока еще недостаточно изученный комплекс личностных особенностей, который имеет характер системы».⁵⁹

Развивая этот тезис, можно сказать, что существуют некоторые комплексы черт личности, характерные для лиц, нарушающих уголовный закон, но нет таких черт, которые фатально предопределяли бы совершение преступления. Это относится и к психофизиологическим особенностям личности, включая психические аномалии.

Эти соображения вполне совпадают с выводами других исследователей. Рассмотрим теперь, каков все же механизм влияния характера на выбор линии поведения человека и совершение конкретного поступка, в том числе преступления.

Для того чтобы проанализировать этот механизм, необходимо напомнить, как формируется и осуществляется любой поведенческий акт⁶⁰.

Этот процесс можно представить себе в виде цепочки из следующих элементов, последовательно связанных между собой: потребности человека – его возможности – ценностные ориентации – мотивы поведения – жизненная ситуация – принятие решения действовать – поступок – результат. На какие из этих элементов и как влияют характер действующего лица?

Если говорить о потребностях человека, то с характером наиболее тесно связана социально значимая потребность в самоутверждении. У уязвимых в этом отношении личностей неудовлетворение потребности в самоутверждении выливается в реальные и вымышленные обиды, экстравагантные поступки, а порой и в преступления. По данным Н. А. Барановского, среди мотивов насильственных преступлений стремление к самоутверждению любыми способами встречалось в 25 % уголовных дел.⁶¹

Лицам, совершающим насильственные преступления (убийства, причинение вреда здоровью, изнасилование и пр.), присущи неуравновешенность характера и темперамента, болезненное самолюбие, неустойчивость оценок, среди них распространен культ грубой физической силы.⁶² Рецидивистам, а также тем, кто совершает преднамеренные преступле-

⁵⁹ Ратинов А. Р. Личность преступника: психологические аспекты // Новая Конституция и актуальные вопросы борьбы с преступностью. Тбилиси, 1979. С. 162.

⁶⁰ Подробнее см.: Кудрявцев В. Н. Генезис преступления. М., 1998.

⁶¹ Барановский Н. А. Социальные и личностные детерминанты отклоняющегося поведения. Минск, 1993. С. 89.

⁶² Хохряков Г. Ф. Криминология. С. 442. См. об этом далее в гл. III настоящей работы.

ния, свойственна постоянная внутренняя готовность к совершению преступлений при появлении подходящей ситуации.

Во многих случаях «тяжелый» характер ведет к конфликтам с окружающими, подчас перерастающим в преступления. Исследования психологов показали, что основным источником семейной конфликтности в большинстве случаев (59,2 %) являлось вмешательство родителей или родственников супругов в их семейную жизнь. Вначале формируется неприязнь между ними, возникают ссоры, скандалы, угрозы с обеих сторон, что нередко заканчивается причинением вреда здоровью, побоями, истязаниями и даже убийством.⁶³

Такие особенности характера человека, как несдержанность, агрессивность, злопамятность и др. наглядно проявляются в преступлениях, совершенных на основе извращенных потребностей – пристрастия к наркотикам, пьянства и алкоголизма. В упомянутых выше внутрисемейных конфликтах, приведших к убийству, преступник находился в состоянии опьянения в 85,4 % случаев, потерпевший – в 61,5 %.⁶⁴

К потребностям примыкают так называемые проблемные ситуации, которые можно определить как совокупность обстоятельств, требующих выхода, незамедлительного решения.

Причинами проблемных ситуаций могут быть следующие:

а) перед субъектом возникают такие жизненные (поведенческие) задачи, которые ему в силу тех или иных причин трудно разрешить обычными, повседневно используемыми способами;

б) ранее существовавшие возможности решения проблемы ограничены этими способами; в) появляются новые возможности решения, в том числе в обход социальной нормы и вопреки ей. Это, например, возникшие трудности материального характера; семейный или производственный конфликт; выбор служебной карьеры; политические события, меняющие жизнь человека, и др.

Особенности характера человека сказываются на том, как он отнесется к разрешению подобной ситуации. Первое решение – уклонение от трудностей, откладывание решения «на потом», что обычно приводит только к затягиванию дела. Другое решение – конформистское, т. е. принятие ситуации, как она есть, без попыток выйти из нее (например, продолжать жить с нелюбимым человеком). Третье – сопротивление, борьба, преодоление возникших трудностей.

Значит ли это, что решительный характер – гарантия правомерного и целесообразного поведения? Совсем нет. Решительность может быть проявлена и в неблагоприятном поступке. Выбор пути зависит от синтеза многих факторов, среди которых характер не является главным.

Говоря о разном отношении к выбору путей разрешения проблемной ситуации, необходимо учитывать, что большей частью важна не столько сама ситуация, сколько представление о ней действующего субъекта. Именно это представление влияет на его поведение. Возможно несколько вариантов расхождения объективного содержания ситуации и ее субъективного восприятия: 1) ситуация может совершенно не измениться по сравнению с прежней, а вся «проблема» привносится искаженным воображением; 2) проблема может действительно существовать, но преувеличиваются ее роль и степень остроты, а поле зрения по поводу возможных вариантов ее решения у субъекта сужается; 3) неверная оценка субъектом существующих в данной ситуации факторов, предполагаемых последствий и собственных действий.

⁶³ Антонян Ю. М. и др. Насилие в семье. М., 2000. С. 25, 30.

⁶⁴ Там же. С. 11.

Анализируя различные причины искаженного понимания ситуаций, специалисты указывают на следующие обстоятельства, порождающие противоправное решение или способствующие ему; а) напряженность ситуации, которая нередко воспринимается как безысходность (например, глубокий семейный конфликт и стресс жены из-за пьянства мужа); б) быстротечность ситуации, не дающая возможности при прочих равных условиях принять нормативно правильное решение (неожиданная ссора); в) видимая легкость и бесконфликтность ситуации, облегчающие противоправный поступок (например, соблазнительное предложение о запрещенной сделке).

Нетрудно видеть, что во всех этих случаях поиски выхода из проблемной ситуации в существенной мере определяются особенностями характера: целеустремленностью, рассудительностью, терпимостью, уравновешенностью или, напротив, агрессивностью, мелочностью, тщеславием, упрямством, мстительностью и т. д.

Наиболее существенное влияние особенности характера оказывают на стадию принятия решения, когда человек стоит перед выбором: совершить преступление или отказаться от него.⁶⁵

Касается ли решение отдельного элемента преступления (например, места и времени) или преступления в целом, оно с большей или меньшей степенью категоричности определяет будущее преступное действие (бездействие) и сопутствующие ему обстоятельства. Представляя собой психологический акт саморегулирования (самоуправления) субъекта, решение является предпосылкой его самоконтроля и основой самооценки. Иногда решение принимается в самом начале планирования или даже на стадии мотивации: субъект в принципе решает совершить задуманное, а затем уже намечает этапы подготовки и детали осуществления замысла. Так обстоит дело, например, при заказном убийстве. Исследования О. А. Дубовик показали, что из всех изученных ею умышленных убийств в 63,6 % дел преступники приняли именно такие заблаговременные решения (а из числа разбойных нападений – даже в 90,4 %).⁶⁶

Непосредственно перед преступлением или даже в процессе его осуществления также принимается немалое число решений; понятно, что те из них, которые имеют окончательный характер, порождены в этих случаях импульсивностью и ситуативностью поведения. Но в процессе совершения преступления принимается больше решений частных, относящихся к отдельным элементам, главным образом – к применяемым преступником средствам достижения цели. По данным Дубовик, уже во время совершения преступления субъектам пришлось частично менять ранее принятые решения в 3,6 % умышленных убийств и в 11 % разбойных нападений.⁶⁷ Чтобы избежать подобной ситуации, предусмотрительные преступники иногда разрабатывают многовариантные планы и принимают так называемые условные решения (например, совершить убийство намеченной жертвы, если рядом не будет свидетелей). Дубовик по изученным ею материалам так ранжировала «условные» решения, принятые убийцами: на первом месте среди благоприятных для них условий стоит определенное поведение жертвы: на втором – подходящая внешняя обстановка; на третьем – безуспешность иных, кроме убийства, средств достижения конечной цели (например, безуспешность вымогательства); далее – наличие необходимых орудий и средств совершения преступления; и, наконец, присутствие соучастников.⁶⁸ При этом окончательное решение откладывается до тех пор, пока не будут обеспечены все названные условия.

⁶⁵ См. подробнее: Дубовик О. Л. Криминологические аспекты принятия решения в преступном поведении // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1975. С. 54; см. также: Шадриков В. Д. Психология деятельности и способностей человека. 2-е изд. М., 1996. С. 58 и сл.

⁶⁶ Механизм преступного поведения / Под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1981. С. 136.

⁶⁷ Там же. С. 157.

⁶⁸ Там же. С. 152.

На выбор решения существенное влияние оказывают характерологические и психофизические особенности личности, например склонность к определенному типу реакции: преодолению трудностей либо уходу от них, приспособлению к обстановке или жизни по принципу выживания; быстрой или медленной оценке ситуации и принятию решений. Если содержание и направленность поступка детерминируются главным образом системой ценностных ориентаций (установок) личности, то тип принятого решения во многом зависит от характера субъекта, а его динамика – от его психофизиологических особенностей.

Психологические исследования показывают, что при принятии решений важное значение имеют такие личностные черты, как склонность к риску, уровень самоконтроля, импульсивность, ригидность и внушаемость.⁶⁹ При этом большую степень риска при выборе предпочитают люди агрессивные, с сильной потребностью в лидерстве, самоутверждении. Осторожные стратегии поведения избирают лица более высокого интеллектуального уровня, а также склонные избегать неудач. Не стремятся к рискованным решениям и лица, имеющие большой жизненный опыт. Эти психологические особенности в равной мере касаются и преступного поведения.

Как уже говорилось, многие решения оказываются неадекватными действительным ситуациям. Дело в том, что далеко не всегда сравнение вариантов осуществляется достаточно рационально; в результате предпочитается ошибочный путь (учтем, к тому же, что во всех криминологических исследованиях речь идет о разоблаченных преступниках). Будущему преступнику мешают продумать свои действия невысокий интеллект, страх, нервное напряжение, искаженное восприятие реальной обстановки, а нередко и такие факторы, как алкогольное опьянение, психические аномалии и многое другое.

Как показали исследования О. Л. Дубовик, 13,6 % убийц и 21,9 % разбойников колебались перед принятием решения о совершении преступления, что объяснялось в основном страхом перед наказанием или боязнью огорчить близких. В то же время 18,2 % убийц считали, что им не удастся скрыть свое преступление, и потому некоторые из них намеревались после совершения преступления явиться с повинной или покончить с собой.⁷⁰ Все эти цифры относятся к лицам, которые, несмотря на свои колебания и сомнения, все же совершили преступления. И хотя мы точно не знаем, какое число лиц, имеющих преступное намерение, в результате колебаний полностью отказалось от совершения преступления, все же можно сделать вывод о сдерживающем значении уголовного наказания как общей превенции преступлений.

⁶⁹ См., напр.: Кочетков В. В., Скотникова И. Г. Индивидуально-психологические проблемы принятия решения. М., 1993. С. 47 и сл.

⁷⁰ См.: Механизм преступного поведения. С. 164.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.